

A decorative border with intricate floral and leaf patterns surrounds the central text. The border is composed of repeating motifs of leaves, flowers, and stems, creating a rich, textured frame.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ
МОЕЙ КНИГИ
О ТАБАКѢ

ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алексей Ренизовъ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ
МОЕЙ КНИГИ
О ТАБАКѢ
ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ

© 1983 — Tchijoff
Paris

© Электронное издание
ImWerden, Мюнхен, 2005
<http://imwerden.de>

Алексѣй Ремизовъ — Глѣбъ Чижовъ-Холмскій

КАКЪ ВОЗНИКЪ РАЗСКАЗЪ А. М. РЕМИЗОВА
«О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОЕЙ КНИГИ О ТАБАКЪ»

На своемъ длительномъ жизненномъ пути мнѣ приходилось встрѣчаться со многими интересными, даровитыми и, даже, знаменитыми людьми, но я никого не встрѣтилъ болѣе чуткаго и доброжелательнаго чѣмъ Алексѣй Михайловичъ Ремизовъ.

Я познакомился с нимъ въ 1933 году, въ Парижѣ и эта встрѣча оставила во мнѣ самый глубокій слѣдъ, на всю мою жизнь. Вскорѣ, наше знакомство перешло въ искреннюю и крѣпкую дружбу. Какъ-то Алексѣй Михайловичъ подарилъ мнѣ свою рѣдчайшую книгу съ рисунками К. Сомова «Что есть табакъ» и, тутъ же, мнѣ разсказалъ всю исторію ея возникновенія. Его разсказъ меня такъ поразилъ своимъ интересомъ, что я сказалъ: «Алексѣй Михайловичъ, это надо вамъ написать». А. М. подумалъ и сказалъ: «Хорошо, я напишу это — для васъ».

Прошло болѣе двухъ лѣтъ, послѣ нашего разговора и вотъ, какъ-то Алексѣй Михайловичъ передалъ мнѣ тетрадку и сказалъ: «берите и храните, то, что я общалъ, я выполнилъ» и, помолчавъ, добавилъ — «если будетъ возможность напечатайте, но в ограниченномъ количествѣ». Алексѣй Михайловичъ выполнилъ свое обѣщаніе. Я счастливъ, что могу исполнить его желаніе.

О происхождении

моих книг о табаке

Единств. экземпляр
Льва Владимировича
Колесова
Ижова

5v 7946

Александр

О ПРОИХОЖДЕНИИ МОЕЙ КНИГИ О ТАБАКЪ

Начало моей повѣсти о происхожденіи табака Петербургъ, Екатерингофскій проспектъ, 97, домъ Андрея Ивановича Сомова, хранителя Эрмитажныхъ сокровищъ. А было это въ тѣ годы, когда послѣ скандальнаго «Пруда» (печатался въ «Вопросахъ Жизни», 1905 г.) я очутился на улицѣ, безъ всякой надежды попасть въ литературу. Дѣло мое подлинно табакъ.

Варвара Димитріевна Розанова читала мой «Прудъ» пять разъ и ничего не поняла: объ этомъ она говорила со скорбью — она искренно желала помочь мнѣ. Василій Васильевичъ Розановъ о «Прудѣ» слышалъ изъ разговоровъ — всюду говорили и всѣ противъ: изъ моихъ сверстниковъ, какъ и я, начинавшихъ, Ивановъ-Разумникъ въ Петербургѣ, а Андрей Бѣлый — в Москвѣ, по разному, но оба возмущались; за меня наперечеть: Левъ Шестовъ, Дягилевъ, Философовъ, Сомовъ, Бакстъ и Блокъ. Да, забылъ помянуть старшихъ — моихъ отцовъ крестныхъ: Горькаго и Леонида Андреева — пройдутъ годы, пока гнѣвъ не смѣнит-ся на милость. И не было газеты, гдѣ бъ меня не выругали, и письма. Думаю — прошло сорокъ лѣтъ — вотъ чѣмъ объясняется моя нечувствительность.

В. В. Розановъ, не менѣе Варвары Димитріевны, сокрушался, глядя на нашъ пропадъ. А всякій разъ, какъ станеть надѣвать калоши итти въ «Новое Время», Варвара Димитріевна повторяла: «Вася, не забудь, попроси Виктора Петровича».

Буренинъ отмалчивался. Но однажды — должно быть, очень надоѣло — онъ сказалъ, что о сумасшедшихъ писать не хочетъ. Тутъ Розановъ помянулъ Се-рафиму Павловну и о Наташѣ, и археологію. Буренинъ сдался и пообщался. И сдержалъ слово. Въ одномъ разномномъ Буренинскомъ фельетонѣ я прочиталъ о себѣ и о «Прудѣ» — нѣсколько строчекъ, но вразумительныхъ: Буренинъ выражалъ свое искреннѣйшее удивленіе, что авторъ «Пруда» еще не на II-ой верстѣ, въ чемъ онъ былъ увѣренъ, а живетъ въ Петербургѣ. («На II-ой верстѣ», такъ въ Петербургѣ говорилось о Больницѣ св. Николая для душевно-больныхъ).

Я былъ подѣ негласнымъ запрещеніемъ, меня нигде не принимали, въ «толстыхъ» благородныхъ журналахъ имя мое было пугаломъ. К. И. Чуковский пытался въ «Вѣстникѣ Европы» редакторъ Е. А. Лзцкій — тамъ только руками замахали и приняли за шутку: Чуковский предлагалъ мой рассказъ «Слононокъ». (Собр. соч. т. I. Изд. Шиповникъ-Сиринъ, СПб. 1910-1912).

Въ 1906 г. кончились «Вопросы Жизни», конецъ моей службы я завѣдывалъ хозяйственной частью, — и мы остались безъ ничего. Меня посылали въ разные учрежденія. Д. В. Философовъ — въ Государственный Контроль. Управляющій Гос. Контр. Ратьковъ-Рожновъ, жена его — сестра Философова, чего, кажется, проще, а ничего не вышло, только смѣхъ — передавался мой разговоръ съ начальникомъ канцеляріи и какъ я папиросу закурилъ. А. В. Тыркова — къ Парамонову на Сѣнную. Парамоновъ въ родѣ здѣшняго фарфорщика Попова, а приемъ в конторѣ съ семи утра; собирался меня куда-то въ Персію послать, я

обрадовался и заговорилъ о персидскихъ стихахъ и сказкахъ, ну, ничего и не вышло. Посылали меня къ Руманову на Морскую — А. В. Румановъ завѣдующій петербургскимъ отдѣленіемъ «Русскаго Слова» — принималъ съ восьми утра въ постели. Напуганный неудачами, я сидѣлъ на кончикѣ стула, тиская мои рукописи. Румановъ говорилъ по телефону. Передъ Румановымъ въ тѣ годы заискивали и лебезили, такихъ просителей, какъ я, бывали сотни, не было возможности подумать, и только письмо В. В. Розанова, но я былъ не къ чему для «Русскаго Слова» и всѣ эти рукописи мои зря. И не «сумасшедшій», а просто ненужный.

Была перепись собакъ и автомобилей. Какъ разъ по мнѣ: ни съ кѣмъ не разговаривать, записывай и все. Я и взялся. Послѣ одного происшествія, какъ я перешелъ желѣзно-дорожный мостъ, съ собаками у меня ладу не было. (Этотъ памятный случай описанъ въ моей книгѣ «По карнизамъ»). Дѣло съ переписью простое, но каждый разъ я выходилъ къ собакамъ не безъ трепета. Серафима Павловна черезъ В. В. Розанова устроилась, въ гимназіи Минцлова: начальница — жена Сергѣя Рудольфовича. Ей было не очень легко, я замѣтилъ, не преподаваніе, конечно, но эта Минцлова баба — все какъ слѣдуетъ, а мѣрка на людей самая пошлая (при Тредіаковскомъ это слово переводилось, какъ «средняя», «ограниченная»), стало быть, жди «замѣчаній», и конечно, все по программѣ и учебнику. А вечерами мы свѣряли Бѣлинскаго: текстъ изд. Павленкова съ статьями въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» для новаго изданія у Стасюлевича. Эту работу далъ намъ Ивановъ-Разумникъ. Спасибо. И все-таки на жизнь не хватало. Да, еще со-

ставлялъ я каталогъ дѣтскихъ книгъ — пожалуй, самое для меня тяжелое, тягостнѣе собакъ, вспомнить жутко, потому что бы я ни взялъ, вижу: «и почему дѣтям?». Все мнѣ было не по душѣ: самъ я в дѣтствѣ не читаль дѣтскихъ книгъ, меня отпугнули онѣ своей дѣланностью и фальшью, у меня сказалось тогда — «почему меня считаютъ за дурака?» Такое же отвращеніе у меня съ дѣтства къ проповѣдямъ, нравоученіямъ.

Я былъ изгоемъ, но не сдавался и продолжалъ писать. На большое не было времени и только сказки. Читаль всякіе этнографическіе сборники, «Живую Старину» и, что находилъ по душѣ, то и пересказываль. А. И. Котылевъ, король или по-русски сказать первый «махала» петербургскихъ репортеровъ помѣщаль мои сказки во всякихъ мелкихъ иллюстрированныхъ журналчикахъ, въ приложеніяхъ къ театральнымъ афишамъ или, какъ самъ онъ выражался, носиль «въ бардакъ». Конечно, онъ бралъ себѣ изъ гонорара какую-то долю, и все-таки это былъ единственный человѣкъ, который, не мирясь съ моими собаками и дѣтскимъ каталогомъ, дѣлалъ для меня самое важное: поддерживаль мое литературное ремесло. Я и тогда замѣчалъ, а теперь скажу прямо: моему литературству не довѣряли.

День выдался особенный, только въ Петербургѣ такое бываетъ. Послѣ вчерашняго дождя, тумана, когда не видишь передъ носомъ и по улицамъ идутъ наугадъ безликіе, какъ тѣни, сегодня съ моря подулъ вѣтеръ и вдругъ все перемѣнилось. Солнце. И Невскій — единственный! — выполощенный, вычищенный блестять.

Я шель по какимъ-то бѣдовымъ дѣламъ, наслаждаясь, взирая в себя этотъ блескъ Невскій подъ солнцемъ послѣ дождя! — ковровые безшумные торцы отъ Адмиралтейства до Александрo-Невской Лавры — пространство вдаль куда отъ Арки до Конкорды.

Легкимъ шарикомъ катился мнѣ навстрѣчу, издалека узналъ: Сомовъ. Онъ спѣшитъ на «сеансъ», не помню, чей это портретъ онъ рисовалъ: Вяч. Иванова или Блока?

Мы стояли подъ солнцемъ, должно быть, блестя, какъ Елисеевскія гастрономическiя стѣны, бутылки, фрукты и розовая ветчина.

Непремѣнно в пятницу жду, — прощаясь, онъ сдѣлалъ сердечкомъ губы и мягкое, но внятно, у него баритонъ: — буду показывать пенись Потемкина, — скажешь онъ, — большой секретъ, одинъ Валечка знаетъ, я ему сказалъ, а для другихъ это будетъ сюрпризъ».

Пенись Потемкина былъ сдѣланъ по волѣ Екатерины «для назиданiя обмельчавшему потомству» въ точномъ размѣрѣ и со всѣми отличительными подробностями, съ родимымъ пятномъ у «ствола расширенiя», — восковой розовый слѣпокъ и хранился въ Эрмитажѣ. Для публичнаго обозрѣнiя недоступенъ. Объ этой исторической рѣдкости стало извѣстно отъ А. И. Сомова, директора Эрмитажа. К. А. Сомовъ упросилъ отца взять на домъ, — хоть на одинъ вечеръ, посмотреть. А. И. Сомовъ долго не рѣшался: будутъ руками трогать, не повредили бь — и вотъ, наконецъ, согласился: пенись Потемкина «торжественно» (такъ выговаривалось у А. И. Сомова) перенесенъ былъ изъ Эрмитажа на Екатерингофскiй проспектъ.

Андрей Ивановичъ, «водрузивъ» драгоценный «ларецъ» — размѣръ скрипичнаго футляра — на самомъ видномъ мѣстѣ «подъ свѣтые», все безпокоился: «а ну — какъ «схватятся»!

А кому хвататься, если вещь находится въ полной неизвѣстности: никто никогда не видалъ и ничего не знаетъ, какъ о легендарномъ обезьяньемъ царѣ Асыкѣ.

Уже въ одномъ «пріуготовленіи» Вы слышите мотивъ моей Гоносіевой повѣсти.

Андрея Ивановича мы знали только по портрету, я говорю о новыхъ петербургскихъ знакомыхъ Сомова 1905 года. Константинъ Андреевичъ не въ отца, а въ мать: Андрей Ивановичъ высокій и сухой, а Константинъ Андреевичъ, какъ заводной шарикъ — Философовъ, Дягилевъ и Бенуа Ал. Ник. кажутся передъ нимъ великанами; къ нему подходитъ «Валечка» — Вальтеръ Федоровичъ Нувель. Все это товарищи Сомова по гимназіи Мея (Вас. Остр. 14 линія) и университету (Дягилевъ по университету), всѣ съ именами, и только Нувель, его имя очень тѣснаго круга «Міра Искусства» и «Современной Музыки», онъ написалъ нѣсколько трогательныхъ романсовъ на слова М. А. Кузьмина въ стилѣ XVIII вѣка, но не печаталъ: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ Двора несмѣняемомъ Фредериксѣ. Нувель, еще скажу, какъ и его товарищъ Альфредъ Павловичъ Нурокъ, сынъ автора популярнѣйшаго учебника и самъ учитель англійскаго языка, съ лицомъ Малармэ — Нувель похожъ на грушу — были душой всякихъ музыкальныхъ и художественныхъ собраній.

Въ глазахъ у меня все еще были эти сердечкомъ сложенные губы Константина Андреевича съ пенисомъ — онъ произнесъ его съ какимъ-то умилениемъ, бережно, стѣсняясь и любуясь — по рассказамъ Андрея Иваныча пенисъ Потемкина превышалъ всѣ воображаемые размѣры и былъ искусно сдѣланъ: Императрица любовалась.

Жмурясь — блеснуть! я нацѣлился перейти на ту сторону. Для меня всегда это было трудно и вдругъ Котылевъ.

Остановились: я всегда радъ такой встрѣчѣ, не надо писать письма — съ Котылевымъ у меня единственные литературныя дѣла, и вотъ эти не-собачьи дѣла остановились.

Котылевъ разодѣтый, только что не въ цилиндрѣ, послѣ вчерашней и позавчерашней попойки, но это не сѣрое, а какъ можно представить себѣ сѣрое, окутанное наливнымъ живымъ свѣтомъ — въ глазахъ его сіяло удовольствіе: удача.

Онъ отъ министра: интервью — и все сошло не только хорошо, а великолѣпно: кормъ и для Петербургской газеты и для Листка, хватить и на Биржевку. Между прочимъ, у министра онъ встрѣтилъ Валечку.

«А вы все по собачкамъ?»

Перепись собакъ давно кончилась, тысячу разъ я говорилъ объ этомъ, но почему-то всѣмъ понравилось и рѣдко кто не считалъ своимъ долгомъ справиться автоматически, въ родѣ «какъ вы поживаете?»

А не такъ-то просто оказалось и съ моими сказками. Трудно пишу, жаловались, непонятно же для нашего читателя.

«А я говорю, хорохорился Котлевъ, непонятно, да вѣдь это по-русски, морду набить, какого г...а вамъ!»

Въ моихъ мысляхъ путался пенить Потемкина и вмѣсто вопроса: какъ мнѣ быть съ моими рукописями, я спросилъ о Потемкинѣ, не о Григоріи Александровичѣ 1736-1791), а о студентѣ Петрѣ Петровичѣ.

Потемкинъ дылда въ непомѣрно-длинномъ студенческомъ сюртукѣ — фигура примѣчательная на всѣхъ литературныхъ вечерахъ молодыхъ (я тогда тоже числился в «молодыхъ»). А сталъ извѣстенъ за свой стихъ, подхватываемый и оголѣло и не безъ добродушія: «папироска моя не курится».... И какъ участникъ у «кошкодавовъ»: скандальное дѣло, возникшее въ Петербургѣ въ 1906 году по обвиненію, впрочемъ, глава кошкодавовъ Александръ Ивановичъ Котылевъ объяснялъ очень просто: «забавлялись съ фокстерьерами на бездомныхъ кошкахъ». Котылевъ покровительствовалъ Потемкину и даже пріютилъ у себя. Котылевъ жилъ одинъ, это потомъ появится кроткая безропотная Марья съ застывшимъ навсегда недоумѣніемъ въ ея русскихъ съ поволокой глазахъ. У Котылева были странныя житейскія повадки; лѣтомъ по случаю теплой погоды дома онъ ходилъ нагишомъ и только для рѣдкихъ посѣтителей, я былъ въ числѣ ихъ, онъ дѣлалъ исключеніе: на-голо обряжался въ сюртукъ — я вѣдь буду впослѣдствіи отцомъ крестнымъ его дочери; кума Марья Карловна Куприна-Йорданская, первая жена Александра Ивановича Куприна. (Купринъ покровительствовалъ Котылеву, но и Котылевъ старался: добрая доля славы Куприна создана Котылевымъ). А самъ Котылевъ получилъ извѣстность и въ самыхъ высокихъ кругахъ литерату-

ры за свое «родство»: Ев. Вас. Ляцкій женился на престарѣлой дочери А. Н. Пыпина или, какъ говорилось, на Пыпинскомъ архивѣ, а Котылевъ — на внучкѣ Петра Лавровича Лаврова; подъ повѣстями и разсказами, — ее печатали вездѣ, — она подписывалась О. Миртовъ. Въ ея внѣшности ничего не было «писательскаго», всегда нарядная, «модница», она была похожа скорѣе на офицерскую жену, съ хохолкомъ и бархаткой, такихъ встрѣчалъ Достоевскій, а говорливость непрерывная и ни на какой гонораръ не поддающаяся. Послѣ развода два сына жили съ нею, но и съ отцомъ не прерывали связи: Котылевъ «каторжный», беззастрѣнный, но именно, какъ «каторжный» съ порывомъ добраго и горячаго сердца. «Петрушу надо пристроить, сказалъ онъ, его не знаютъ эти — ваши, я уже говорилъ Вальтеру Федоровичу».

А я подумалъ: Котылевъ выведетъ Петрушу въ люди, станутъ его знать и «наши» — эти литературные круги съ Дягилевымъ и Философовымъ здѣсь и съ Брюсовымъ въ Москвѣ — имъ противопологалось (вотъ словечко, въ пору Бердяеву!) сѣрое «Знаніе» Горькаго, зеленыя растрепанныя книжки, образецъ печатнаго безвкусія, Купринъ, Арцыбашевъ, Леонидъ Андреевъ.

Котылевъ — отчаянная голова, возьмется за что, ни передъ чѣмъ не остановится, доведетъ до конца. Въ одну изъ моихъ «катастрофъ», желая помочь мнѣ, долго не думая, онъ отправился въ редакцію «Новаго Журнала для всѣхъ» къ знакомому редактору и издателю Николаю Архиповичу Бенштейну (въ свое время Котылевъ помогъ ему у Вик. Серг. Миролюбова откупить «Журналъ для всѣхъ») и потребовалъ у Бенштейна послать мнѣ немедленно авансъ — 50 рублей.

Основанія никакого не было и Бенштейнъ заупрямился, тогда Котылевъ, не вступая въ пререканія, ударилъ его «по мордѣ». Въ тотъ же вечеръ я получилъ отъ Бенштейна 50 рублей и съ письмомъ, пишетъ «онъ всегда готовъ, но просить въ слѣдующій разъ безъ посредниковъ». Бенштейнъ былъ въ зависимости отъ Котылева: реклама — и несмотря на обиду, скоро состоялась между ними мировая; посредникомъ былъ Манычъ, товарищъ Котылева, тоже репортеръ и тоже не простой, а по мрачности другого въ Петербургъ не найти, силища кузнечная, полиція боялась, а новодеревенскіе громилы обходили. Манычъ потребовалъ съ Бенштейна 25 рублей вознагражденія «уладить дѣло», потомъ былъ ужинъ въ «Вѣнѣ» на три персоны: Бенштейнъ, Котылевъ и Манычъ. Не дешево обошлось Бенштейну «сопротивленіе». А Котылевъ говорилъ: «мошенниковъ надо учить.» А еще — въ другую мою катастрофу: всѣ издательства отказались меня издавать (это какъ тутъ, въ Парижѣ, моя послѣдняя книга 1931 г., а дальше стѣна) — «какъ? не хотятъ — ну, посмотримъ». И Котылевъ повелъ меня въ новое издательство «Прогрессъ» или, какъ смѣялись «Скорородъ» за неимовѣрное количество и быстроту выпускаемыхъ книгъ, по-преимуществу техническихъ. Хозяинъ Строкунъ, молодой инженернаго вида. И я былъ свидѣтелемъ разговора, результатомъ котораго контрактъ на изданіе моей книги «Разказы» Изд. Прогрессъ, Спб. 1910 г. Мои книги 1908 г. «Часы» и «Чортовъ логъ» съ «Полунощнымъ солнцемъ», Изд. Еос, Спб. появились на свѣтъ тоже чудеснымъ образомъ черезъ «разговоръ», но какая разница!

Александръ Степанычъ Рославлевъ, извѣстный за свою нецензурную эпиграмму на памятникъ Алексан-

дру III работы Трубецкого, передъ Николаевскимъ вокзаломъ, а также стихами подъ Ершова съ повторяющимися «клики-пушки и трезвонъ» и любопытной повѣстью «Записки частнаго пристава», человекъ не малыхъ размѣровъ въ поддевки и съ лицомъ Варлаама («Какъ во-городѣ было, во Казани») Затѣялъ «обработать» Саксаганскаго — въ литературѣ никакого, торгуетъ ломаннымъ желѣзомъ въ Екатеринославѣ. Но зато Анна Семеновна Саксаганская, дама спокойная и ужъ дѣти скоро изъ Екатеринослава по университетамъ изъ желѣзнаго гнѣзда разлетятся, а между тѣмъ авторъ 25-и драматическихъ пьесъ — изданы порознь безъ корректуры (и смѣхъ и грѣхъ и безобразіе!). И затѣяла она, ища славы, погрузиться въ «литературную пучину» — такъ и появились Саксаганскіе въ Петербургѣ. Изъ писателей единственный знакомый Бор. Ал. Лазаревскій, «преемникъ Чехова», какъ любилъ самъ зваться, да и не для кого не было тайной его подражательность Чехову. Лазаревскій познакомилъ со своимъ другомъ и собутыльникомъ Рославлевымъ. Такъ появилось на свѣтъ издательство «Eos». Имена:

Дм. Цензоръ. Старое гетто.

Владимиръ Ленскій. Утренніе звоны.

Анатолій Каменскій. Солнце.

Борисъ Лазаревскій. Разказы. Томъ третій.

Обложка Е. Лансере.

И самъ Александръ Степанычъ. Сказка о трехъ царскихъ дивахъ и объ Ивашкѣ, поповскомъ сынѣ.

Да еще: Ола Гансонъ. «Женщины». (На этихъ «Женщинъ», книгу цѣломудренную, почему-то больше все-

го рассчитывали: на обложкѣ красовалась русалка, а оскандалились мои «Часы», ихъ конфисковали за порнографію и кощунство, потомъ, разобравъ, сняли арестъ, но все равно, скандалъ, т. е. реклама — всѣ бросились покупать).

И вотъ къ этимъ блестящимъ именамъ Рославлевъ рѣшилъ присоединить и меня. По душѣ добрый и совѣстливый: однажды мнѣ удалось, я попалъ въ какой-то «кошкодавный» альманахъ (порядочные долго меня не печатали) и мой гонораръ — 60 рублей (шестьдесятъ рублей!). Рославлевъ взялся передать мнѣ изъ рукъ въ руки, зимой было, онъ зашелъ въ какой-то дорогой кобакъ обогрѣться, а хватился, время позднее, и прикатилъ къ намъ на лихачѣ: я ему далъ расписку, онъ обшарилъ всѣ свои карманы — ни копѣйки. И не это ли его толкнуло вспомнить обо мнѣ и возвеличить мое имя. У Саксаганскаго я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, у насъ не было ни копѣйки, на Загородномъ комнату снимали, не выйдетъ дѣло — пропалъ, а Рославлевъ, развалясь, величалъ меня: мои книги, какъ книги Цензора и Вл. Ленскаго, напустятъ такого огня и свѣта в его «Еос», имя его будетъ извѣстно на всю Россію, — до «двѣнадцатаго колѣна» почему-то по-библейски выражался Рославлевъ, и имя Анны Семеновны будетъ повторяться во всѣхъ уголкахъ, гдѣ только подыметъ занавѣсъ и обнаружатся кулисы, въ милліонахъ экземпляровъ будутъ изданы ея пьесы — и онъ перечислилъ всѣ 25:

- 1) Безумная. Драма въ 2 дѣйст. и 3 карт.
- 2) Внѣ закона. Драма въ 3 д. и 4 к.
- 3) Генеральная репетиція. Водевиль въ 1 д.
- 4) Герой. Шутка въ 1 д.

- 5) Двѣсти тысячъ. Водевиль въ 1 д.
- 6) Именины въ деревнѣ. Шутка въ 1 д.
- 7) Именины Наташи. Водевиль въ 1 д.
- 8) Картинка жизни. Драматическій этюдъ въ 1 д.
- 9) Коллекція. Фарсъ въ 2 д.
- 10) На новую дорогу. Пьеса въ 4 д.
- 11) Недугъ времени. Драматическій этюдъ въ 1 д.
- 12) Не понялъ. Драматическій этюдъ въ 1 д.
- 13) Одурачили. Водевиль въ 1 д.
- 14) Отъ Божьяго ока не укроешься. Народная драма въ 5 д.
- 15) Поздняя правда. Драмат. этюдъ въ 1 д.
- 16) Роковая буква. Шутка въ 1 д.

На «Роковой буквѣ» онъ вышелъ въ сосѣдную комнату: тамъ Лазаревскій, ожидая Анну Семеновну, работалъ надъ ея портретомъ, на столѣ около ящика съ красками стоялъ графинъ съ водкой и тутъ же на тарелочкахъ закуска. Рославлевъ приложился, дернувъ «по-сибирски», какъ говоритъ Пантелеймоновъ, не ворочный, а винный стаканчикъ и, закусивъ, вернулся продолжать:

- 17) Самой красивой женщинѣ Шутка въ 1 д.
- 18) Степной цвѣточекъ. Драматич. этюдъ въ 1 д.
- 19) Сумерки. Драматич. этюдъ въ 1 д.
- 20) Сѣти. Фарсъ въ 2 д.
- 21) Тайга шумить. Драма въ 1 д.
- 22) То было ранней весной. Шутка, въ 1 д.
- 23) Феминистка, или долой мужчинъ! Шутка въ 1 д.

- 24) Чѣмъ не женихъ. Водевиль въ 1 д.
- 25) Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ль на себя кума обратиться. Водевиль въ 1 д.

«Лошадиная ж..., сказалъ Рославлевъ и съ такимъ умиленіемъ, словно бы дѣло шло не о Трубечкомъ памятникѣ, а о собственной ж..., — и выплюнувъ на Сакганскаго застрявшую въ зубахъ селедочную мелкую косточку, которую безъ вреда могъ бы и проглотить, еще больше разулыбался, — всѣ ж... падутъ во прахъ, мнится, — онъ переходилъ на стихотвореніе, — окруженный Цензоромъ, Вл. Ленскимъ, Алексѣемъ Ремизовымъ, какъ изъ-подъ земли подымается передъ глазами пьедесталъ (ясно, онъ хотѣлъ сказать: монументъ): Сак-са-ганскій Санктъ-Петербургъ». Вотъ это я понимаю: и пройметъ и никому не обидно: подписывай контрактъ и получай деньги. А Котылевъ, и поздороваться не успѣвъ, съ первыхъ же словъ: «свинья». И настаивая принять мою книгу, вытопыривалъ свинью въ Стракуна. Видно было, что Стракуна свинья коробитъ, онъ, сдерживаясь, мѣнялся въ лицѣ, то краснѣя, то блѣднѣя, и когда мы остались одни, Котылеву валандаться некогда, подпись схватилъ и прощай, Стракунъ, сказалъ: «Какое обращеніе!» но не договорилъ: «хамское», остановился: за это «хамское» было бъ, онъ это зналъ, «набить морду» это пустяки, а вотъ въ газетахъ вернуть подозрительное словечко о его изданіяхъ... Котылева тронуть — обожжешься.

Я былъ увѣренъ, что Петруша, какъ, я не знаю, а очень скоро будетъ знаменитымъ, разъ взялся за него Котылевъ. Скажу напередъ: мое предположеніе оправдалось — черезъ какой-нибудь мѣсяць послѣ

этой памятной мнѣ встрѣчи я узналъ, что Бакстъ затѣваетъ написать группу поэтовъ и на первомъ мѣстѣ за Вяч. Ивановымъ, Блокомъ и Кузьминымъ значился Петруша Потемкинъ, а ужъ за Потемкинымъ Гумилевъ.

Правда, затѣя Бакста не осуществилась. В группу включили меня, но потомъ исключили, тогда Блокъ отказался участвовать, — а какая же группа поэтовъ безъ Блока, такъ и разстроилось. Но это не важно, разговоръ, гдѣ поминалось имя Потемкина, долго еще занималъ «среды» Вяч. И. Иванова.

И еще: въ ту пору въ Москвѣ возникнетъ «Золотое Руно»: конкурсъ — я получу первую премію за рассказъ «Чортикъ» («Домъ Дивалиныхъ у рѣки. Старый, сѣрый лупленный. Всякая собака знаетъ»), первую премію за стихи М. А. Кузьминъ, а вторую — Потемкинъ. Мне и Кузьмину по 100 рублей, а Потемкину — 50. Но дѣло не въ деньгахъ, слава!

Но это когда-то будетъ, это я про себя — эти 100 рублей «Чортиковы», а пока, я уже понялъ, какъ со мной трудно, даже со сказками, если и Котылевское всемогущество и его «приемы» и обращеніе съ редакторами и издателями не дѣйствуютъ.

На прощанье Котылевъ, подмигнувъ, сказалъ:

«Вы, конечно, в пятницу будете у Сомова на "пеннись"»...

Я совсѣмъ спутался: вѣдь только что Сомовъ предупредилъ меня о секретѣ, а какой же секретъ, когда и Котылевъ знаетъ? И понялъ, откуда — конечно, это Нувель, единственный, кому открылъ Сомовъ, не удержался и съ усмѣшкой похвастался, еще бы: «пе-

нисъ» самого Потемкина. Я такъ и видѣлъ Нувеля: нось по-вѣтру. Не доставало только его встрѣтить.

Когда я подымался къ себѣ на 3-ій этажъ — лѣстница темная и узкая — Бурковъ домъ («Крестовыя сестры») — я столкнулся съ Розановымъ, оба мы близорукие.

Розановъ очень осердился.

«Я третій разъ къ тебѣ захожу, куда ты всё шляешься — съ собаками?»

Я сказалъ, что безъ собакъ, но по собачьему дѣлу. Серафима Павловна в гимназіи.

«Я пришелъ предупредить, сказалъ Розановъ, мнѣ некогда разговаривать и пожалуйста не задерживай и оставь свои безобразія, ты непременно долженъ быть у Сомова въ пятницу, будутъ пенись Потемкина показывать.»

И въ его произношеніи «пенись» освѣтилъ всю нашу темную лѣстницу, это было не Котылевское съ усмѣшкой и пренебреженіемъ, а подлинное преклоненіе и чинопочитаніе: «ваше оберъ-высоко-превосходительство.»

Розановъ, не входя, передъ дверью рассказалъ мнѣ, что дома онъ проболтался и Варвара Димитріевна слышать ничего не хочетъ, но если узнаетъ, что мы оба поѣдемъ, успокоится. Варвара Димитріевна непременно зайдетъ къ намъ, но чтобы ей не говорить, что онъ былъ у насъ, онъ дома сказалъ, что Суворинъ его вызвалъ по важному дѣлу. «Въ третій разъ захожу, повторилъ Розановъ, ну, прощай, волкъ и паукъ, до пятницы.»

На его губахъ висѣлъ «пенись», а «пятница» прозвучала растроганно, онъ даже поцѣловалъ меня.

На другой день мнѣ было назначено къ Руманову, Морская, 45. Аркадій Веніаминовичъ Румановъ представлялъ въ Петербургѣ «Русское Слово». Это не Котылевъ съ «Петербургской Газетой», шантажемъ и скандаломъ, полетъ выше и глазъ острѣе, и безъ всякихъ безобразій могъ человѣка прославить и вывести на дорогу. Передъ нимъ заискивали и лебезили. Котылевъ раздувалъ Куприна, а безъ Руманова Рериху не подняться бы такъ высоко и съ такой быстротой: о Рерихѣ трубили въ «Русскомъ Словѣ». И еще связи: Котылева куда повыше допускали съ опаской, а передъ Румановымъ сами лѣстницы подъ ноги катились и сами собой распахивались двери.

День Руманова начинался спозаранку, не по-парамоновски, но не въ-ровень и петербургскимъ часамъ. Въ 8 утра я уже былъ на Морской.

Когда проснулся Румановъ, я не скажу, но онъ еще лежалъ въ кровати и говорилъ по телефону. Передъ его дверью я услышалъ его голосъ, онъ называлъ то «графъ», то Сергѣй Юльевичъ. Я понялъ, вспомнивъ стихи въ «Жупелѣ» у Арцыбашева: «Графъ Игнатъевъ санстефанскій. Витте графъ американскій» и терпѣливо ждалъ окончанія.

Разговоръ подходилъ къ концу. Собесѣдникъ, видимо, въ хорошемъ расположеніи такъ «официально» не хотѣлъ оканчивать и спросилъ: «что новаго въ городѣ?»

«Да ничего нѣтъ, да, въ пятницу... и... и, точно кофію глотнулъ, съ необычайной бодростью и темпераментомъ, какъ выкрикнулъ «пенись» — «пенись»?... повторилъ Румановъ, барышня не перебивайте, Хил-

ковъ — Ухтомскій — Игнатъевъ, — понимаете, «пениса» будутъ показывать...

«Чей?»

«Потемкина». Не перебивайте. «Пениса» Потемкина.

И тутъ я понялъ, что секретъ Сомова не секретъ, о «пенисѣ» Потемкина знаетъ весь Петербургъ.

Комната Руманова, гдѣ «вершались государственныя дѣла», показалась очень тѣсной моимъ «подстриженнымъ» глазамъ, такъ что и сѣсть негдѣ. И очень бѣлой: отъ газетъ ли или отъ стола — столъ, какъ въ больницѣ столики. И самъ Румановъ, еще не одѣтый, бѣлый весь въ бѣломъ. Принялъ онъ меня очень ласково. У меня было письмо отъ Розанова. Съ закрытыми глазами я передалъ его. Розановъ писалъ: «Его, Ремизова, только никто не понялъ — это потерянный брилліантъ, и всякій будетъ счастливъ, кто его подниметь».

Когда Рославлевъ «провозглашалъ» передъ Саксаганскимъ о трехъ великихъ писателяхъ: Димитрій Цензоръ, (ударяя на «Цензоръ»), Владимиръ Ленскій (изъ «Евгенія Онѣгина», кто этого не знаетъ?) и Алексій Ремизовъ — мнѣ было неловко, но я понималъ, что это игра и по-другому нѣтъ возможности убѣдить Саксаганскаго принять мою книгу. Но розановское было отъ сердца и безкорыстно. Правда, я чувствовалъ себя «потеряннымъ», это мое съ дѣтства, но никогда не представлялъ себя блестящимъ. Я все больше убѣждался, что душа у меня «мелкая» и развѣ можно сравнить съ Серафимой Павловной? А воображеніе — безъ особаго взлета и то, что называется «трепетъ» только лихорадочный, а не горячечный. Я былъ съ Блокомъ и Андреемъ Бѣлымъ, но съ первыхъ же встрѣчъ я

почувствовалъ мою бѣдность. В революцію Ивановъ-Разумникъ скажетъ обо мнѣ, сравнивая съ Блокомъ и Андреемъ Бѣлымъ, — «безкрылый», а Модестъ Людвиговичъ Гофманъ («профессоръ М. Л. Гофманъ») — опять въ сравненіи съ Блокомъ и Андреемъ Бѣлымъ не найдетъ во мнѣ ихъ «геніальности».

Съ письмомъ Розанова я передалъ Руманову и мои рукописи для «Русскаго Слова». Румановъ пообѣщаль все сдѣлать. И вообще Румановъ никогда не отказываль.

Но ничего не вышло: и мои рассказы и мои сказки не подходили къ «Русскому Слову», это во-первыхъ, а еще, а, можетъ какъ разъ и есть во-первыхъ, Румановъ не разглядѣлъ во мнѣ Розановскаго бриллианта и не «поднялъ». Я это почувствовалъ.

Жили мы тогда очень трудно. Особенно, какъ переметались съ Кавалергардской на Загородный въ комнату. Особенно въ праздникъ, когда къ хозяевамъ приходили гости: какъ въ темницѣ сидѣли, Серафима Павловна тогда все плакала. Тутъ вотъ насъ и освободилъ Рославлевъ. И въ М. Казачій переѣхали. И какъ разъ о ту пору и Розановы переѣхали со Шпалерной въ Казачій же. Ну, Котылевъ мнѣ со сказками помогаль — я и теперь не знаю, что его толкнуло ко мнѣ, что ему отъ меня? Когда онъ старался для Куприна, тутъ было из-за чего, не онъ, такъ другой постарался бѣ, но я — только одна неприятность и постоянные скандалы. Умные люди ему говорили: да брось ты съ Ремизовымъ возиться, «времени проводка, а карману шышь.» И правда, много ль рублей онъ на мнѣ заработаль? — да на извозчика не хватитъ по редакціямъ ѣздить! И все-таки — Коть и Левъ, а впоследствии и кавалеръ обезьяньяго знака съ повислымъ

слоновымъ хоботомъ 1-ой степени онъ точно чего-то радовался, встрѣчаясь со мной. Въ концѣ сентября 1917 г. оба мы одновременно захворали: крупозное воспаленіе — я поднялся, а онъ не выдержалъ. Мнѣ говорили: это «каторжная совѣсть» — не знаю, какая такая каторжная? такъ и осталось загадкой: почему человѣка «каторжнаго» повлекло ко мнѣ и до смерти, отчаянный и вѣроломный, онъ былъ мнѣ вѣренъ и никогда не «разстроилъ» меня, не огорчилъ душу. А когда его ругали, мнѣ было больно.

А Рославлевъ — скажу и о немъ, чѣмъ все кончилось, — Рославлевъ въ своей разбойничьей поддевкѣ, оставивъ Саксаганскаго, отстранился отъ Саксаганскихъ издательскихъ дѣлъ «Eos»а или вѣрнѣе, Саксаганскій, не дуракъ, рано иль поздно сообразилъ, что ни Дм. Цензоръ, ни Вл. Ленскій, ни я и, само собой, ни Лазаревскій съ Рославлевымъ, никакіе мы Львы Толстые и Достоевскіе и отъ насъ никакого озаренія «драматическимъ этюдамъ» Анны Семеновны, будь напр. Горькій, Леонидъ Андреевъ, Купринъ, Арцыбашевъ, ну хоть какой-то отблескъ; въ одинъ прекрасный день, расплатившись съ типографіей, снялся со своей петербургской квартиры и отбылъ съ Анной Семеновной и ея драмами во-свояси, въ Екатеринославъ «разрабатывать ломаное желѣзо».

Потомъ уже безъ Саксаганскаго я встрѣчалъ Рославлева на литературныхъ вечерахъ и собраніяхъ. Я всегда ему былъ благодаренъ, какъ онъ насъ выручилъ тогда, освободивъ отъ Загородной тюрьмы. Иногда онъ заходилъ къ намъ и почему читалъ все тѣ же «клики, пушки и трезвонъ»: ему казалось, что это стихотвореніе въ «русскомъ» стилѣ и мнѣ пріятно.

Помню, въ «холерный годъ "не пейте сырой воды"», у насъ всегда стоялъ на столѣ большой кувшинъ отварной, стакановъ десять, помню какъ Рославлевъ попросилъ напиться, его мучила селедочная жажда, и на моихъ глазахъ стаканъ за стаканомъ опорожнилъ кувшинъ, всѣ десять, и только выпустилъ воздухъ, какъ рыба пускаетъ ртомъ. Вотъ онъ какой былъ человѣкъ многоутробный, онъ и на ѣду былъ такой же, а въ Революцію, въ 1918 г. голодъ его скрутилъ, а тифъ прикончилъ. «Спасибо вамъ, Александръ Степанычъ!» — такъ мысленно я съ нимъ простился. Само-собой, Рославлевъ былъ кавалеръ обезьяньего знака I-й степени съ пушкой и колоколами обезьяньей великой и вольной палаты — обезвелволпаль.

Вернувшись отъ Руманова, помню, съ какимъ восторгомъ я рассказывалъ о немъ Серафимъ Павловнѣ, въдъ я былъ такъ увѣренъ, что все будетъ: мое напечатываютъ в «Русскомъ Словѣ», и деньги. Есть въ житейской жизни такія маленькія вещи, въ родѣ зубной щетки, конечно, скажутъ — есть безулыбные безрадостные люди — и пальцемъ можно — эти маленькія вещи необходимы, но какъ безъ денегъ? Я вѣрилъ, я получу деньги и не только зубную щетку, я пойду къ Фабержѣ и куплю жемчужное ожерелье. (Одинъ разъ я уже совался, да очень дорого, черезчурь!). Я всегда искренно вѣрилъ, но никогда не огорчался, когда не выходило, это мое исконное: быть готову ко всему.

До Потемкинскаго пениса мнѣ было мало дѣла, меня занимало безобразіе, а оно въ такихъ случаяхъ непремѣнно. Люди вообще очень довѣрчивы и пугливы, а это какъ разъ на руку безобразію. Ну что если

нагрянетъ полиція или въ самый разгаръ «демонстраціи» просто сказать: обыскъ. «Политически» тутъ, конечно, ничего, но скандалъ, конечно, вѣдь надо этотъ пенись объяснить какъ-то.

И вотъ въ чемъ я всегда винюся: когда разыгрывалось мое воображеніе о всякихъ безобразіяхъ, я совсѣмъ забывалъ, что я не одинъ, а стало быть, въ концѣ-то концовъ — все-таки какъ ни одуроченъ бываетъ человѣкъ, а глаза продеретъ и разберется — и тѣнь отъ меня непременно упадетъ на Серафиму Павловну. Правда, я это скоро понялъ, — ожегся — и ужъ подъ всякими предлогами пересталъ выходить на люди, хоть воображеніе-то мое нисколько не пропало. На душѣ моей много грѣховъ.

Вечеромъ зашла къ намъ Варвара Димитріевна Розанова, такъ я предполагалъ. И прежде всего она спросила, поѣдемъ-ли мы въ пятницу къ Сомову.

Я сказалъ, да, — собираемся.

«А что такое показывать будетъ, Вася рассказывалъ? Варвара Димитріевна очень подозрительно посмотрѣла.

«Ничего особеннаго, сказалъ я, свой неоконченный портретъ, и не всѣмъ будетъ показывать, стѣсняется.»

И говоря «неоконченный» я противъ Розанова нисколько не погрѣшилъ.

Свою мысль о незаконченности Розановъ записать въ «Опавшихъ листьяхъ», I к. стр. 74. Выписываю:

«Все очерчено и окончено въ человѣкѣ, кромѣ половыхъ органовъ, которые кажутся около остального какимъ-то многоточіемъ или неясностью... которую встрѣчаетъ и съ которою связы-

вается неясность или многоточіе другого организма. И тогда оба ясны. — Какъ бы Б. хотѣлъ со-творить *актъ*, но не исполнилъ движеніе свое, а даль его *начало* въ мужчинѣ и *начало* въ женщи-нѣ. И уже они оканчиваютъ это первоначальное движеніе. Отсюда его сладость и неодолимость».

«А Минскихъ радѣній не будетъ?» ужъ съ ка-кимъ-то загаеннымъ страхомъ спросила Варвара Ди-митріевна.

«Да Минскій давно уѣхалъ, онъ въ Парижѣ. Бу-дутъ Бенуа, Добужинскіе, конечно, Сергій Павловичъ, Философовъ.

(Дѣйствительно, однажды у Минскаго состоялось шутовское радѣніе, на которое попали люди и не пре-дупрежденные хотя бы о «шутовскомъ». Я былъ съ Розановымъ, вотъ былъ просторъ мнѣ для безобразія, но ничего такого на этомъ «радѣніи» не произошло, какъ потомъ по Петербургу молва гуляла. Варвара Димитріевна по своей подозрительности всему повѣ-рила до «свальнаго грѣха», въ которомъ изъ всѣхъ отличился ея Вася).

«Такъ вы ѣдете?» еще разъ спросила Варвара Ди-митріевна.

И успокоилась.

И начала о своемъ: совѣты по хозяйству. И это были не пустыя слова, а отъ желанія. У нея дѣйстви-тельно, болѣло сердце за насъ, а какъ хотѣла бь она, чтобы меня напечатали и у насъ были деньги.

Розановъ запишетъ въ «Опавшихъ листьяхъ 1 к. стр. 254:

«Нужно, чтобы о комъ-нибудь болѣло сердце. Какъ это ни странно, а безъ этого пуста жизнь».

Въ Парижѣ Эсфирь Соломоновна Познеръ, какъ когда-то Варвара Димитріевна, будетъ совѣтовать и наставлять по хозяйству, печалась и желая удачу и денегъ.

Поминаю и этихъ двухъ милосердныхъ женщинъ, столько тепла и участія было отъ нихъ къ нашей бѣдовой судьбѣ.

Въ хозяйственный разговоръ: гдѣ что купить, и что у насъ есть и чего надо достать и гдѣ, въ эти кухонныя подробности я по-минутно встрѣвался. А это не нравилось Варварѣ Димитріевнѣ.

Наконецъ она не выдержала, такъ это было противъ всей ея природы.

«Василій Васильевичъ у меня этимъ не занимается!» и съ укоромъ посмотрѣла на Серафиму Павловну.

Оба мы этотъ укоръ увидѣли и Серафима Павловна улыбнулась, а у меня на лицѣ заиграло что-то неподходящее.

«Ваше дѣло писать, сказала Варвара Димитріевна, мы вамъ не мѣшаемъ, садитесь и пишите.»

Варвара Димитріевна была убѣждена, что «писать» и, скажемъ, «шить» — разницы никакой, только что и различіе: тамъ перо, а тутъ игла.

Потомъ тихонько Серафимѣ Павловнѣ:

«Очень меня огорчаетъ. Что случилось: послѣдніе дни Вася сердится на Алексѣя Михайловича. «Ноги моей, говоритъ, у нихъ больше не будетъ».

Я сразу какъ-то — про какую ногу? — и чуть было не сказалъ, что все это вздоръ и сердиться ему не на что и, что если онъ сердится, то не на меня, а на А. М. Коноплянцева: не возвращаетъ Леонтьева. Но

встрѣтившись глазами съ Серафимой Павловной, я сейчасъ все сообразилъ.

«Это все пройдетъ, сказала Серафима Павловна, пересердится», и опять улыбнулась своей единственной улыбкой, которой нельзя не повѣрить.

Стало быть, въ пятницу въ 10-ть къ Сомову — и вмѣстѣ поѣдемъ.

Но только что Варвара Димитріевна вышла, звонокъ. Василій Васильевичъ. И какъ это они не столкнулись?

«Ну, что?»

«И вмѣстѣ поѣдемъ!» сказалъ я.

«Ну, слава Богу!»

Розановъ, входя, весь былъ какъ сплюснуть, словно черезъ щель лѣзъ, а теперь расправился и сталъ на человѣка похожъ — на русскаго писателя традиціи Погодина. Я теперь это понялъ, какое сильное вліяніе оказалъ на него Погодинъ: не рассказами — Погодинъ застрѣльщикъ натуральной школы, конецъ 30-хъ годовъ — не пустой лирикой, въ родѣ наставленія ученику, а «Афоризмами», манерой въ критикѣ со всякими «халатными» (слова Шевырева) авторскими подробностями; вѣдь самая мысль о формѣ «Опавшіе листья» Погодинская, такъ самъ онъ въ дневникѣ записалъ о происхожденіи I тома своихъ историческихъ изслѣдованій — груда листковъ и обрывышковъ. Погодинъ и славянофилы, вотъ откуда Розановъ: «Уединенное» — изъ Киреевскаго «Уединеннаго мышленія». Кромѣ того, Розановъ былъ внимательнѣйшій и вѣрный читатель Н. Н. Барсукова, Жизнь и труды Погодина. Въ своей рецензіи въ Рус. Вѣст. 1895 X онъ опредѣляетъ трудъ Барсукова, какъ «культурная

хроника «русского общества и литературы XIX в.», действительно, есть о чем узнать и было подумать. А самая завязь Розанова — «розановское», таким он родился.

«Только, пожалуйста, оставь хоть на этот вечер свои безобразия: ведь ты для безобразия можешь ляпнуть Варечкѣ, что я вот у вас сегодня уже в четвертый разъ. Ну, прощай. Завтра еще загляну. Да, увидишь Коноплянцеву, напомни.»

Между тѣмъ, пенись Потемкина, сначала робко шопоткомъ, осмѣлѣвая, уже нагло входилъ къ знакомымъ и незнакомымъ, распоряжаясь по-свойски. Онъ являлся подъ разными именами, сохраняя свою неистовую природу.

Въ кругахъ высшаго духовенства, а онъ проникъ и Святейшій Синодъ, его называли «Пенись»: кто-то изъ членовъ вспомнилъ семинарскій стихъ «*caput doli lit penis tat, nemo benit, nemo dat*». И по-монашески «удъ». Въ вольно-экономическомъ обществѣ рѣшили, что В. В. Водовозовъ, встрѣчавшійся в редакціи «Вопросовъ Жизни» со всякими декадентами, его спрашивали, но В. В. Водовозовъ глухой и далекій отъ неэкономическихъ вопросовъ, долго не могъ понять: ему кричали сначала деликатно — «органъ», «членъ», потомъ перешли на «пенись». Въ Географическомъ Обществѣ старѣйшій предсѣдатель Вл. И. Ломанскій называлъ его «дѣтороднымъ органомъ». Добрался мерзавецъ до Академіи Наукъ, обратились къ Ал. Алекс. Шахматову и тутъ ужъ склоняли его и разлагали до монгольскихъ корней. Изъ Потемкина онъ превратился въ ни чей. Но потомъ стали увѣрять, — источникъ съ главнаго телефона, что онъ Хитрово, Ухтомскій и Игнатѣва. И эта троичность Потемкинскаго пениса,

расцепляясь, являлась въ томъ образѣ, какой кому нравился. Къ четвергу, когда оставалось не такъ много часовъ до пятницы Сомова, Потемкина забыли и по Невскому разгуливали Хитрово, Ухтомскій и Игнатъевъ. Самъ Андрей Николаевичъ Сомовъ, а до него въ Эрмитажъ доходили самыя грозныя вѣсти, на минуту усумнился: *чей онъ?* Между прочимъ увѣряли, что Хитрово, видѣли собственными глазами, вышелъ отъ Фредерикса и направился къ Трепову — «патроновъ не жалѣть». И въ этомъ была какая-то правда: разносчикомъ пениса по Петербургу былъ Валечка — В. О. Нувель: въ четвергъ онъ не ходилъ ужъ, а шнырялъ — и былъ всюду и всѣ его видѣли. В. В. Розанова на этотъ разъ дѣйствительно вызвалъ въ неурочный часъ къ себе А. С. Суворинъ. Розановъ, само собой, опровергъ Хитрово, Ухтомскаго, Игнатъева, но забылъ и Потемкина. Розановъ распространялся о «неоконченности» и «многоточіяхъ».

«Не отъ этой-ли неоконченности отвратительный видъ ихъ, на который всѣ жалуются, и — восторгъ въ минуту, когда недоговоренное — кончается (актъ въ ощущеніи?).»

Интересъ былъ самый зажигательный, какъ къ открытію мощей или къ покушенію. Изъ Москвы пріѣхалъ И. Д. Сытинъ и прямо къ Руманову.

Въ поздній часъ въ четвергъ состоялось перенесеніе «драгоценнаго таинственнаго ларца» въ заднюю комнату К. А. Сомова, куда посѣтители не допускались. Несъ, бережно держа въ обѣихъ рукахъ, Андрей Николаевичъ. Изъ предосторожности электричество въ корридорѣ погасили, а Константинъ Андреевичъ шелъ впереди со свѣчей.

Андрей Николаевичъ очень безпокоился: онъ боялся за цѣлость «органа», какъ онъ почтительно величалъ пениса, главное, чтобы руками не хватали и не гладили: отъ всякаго малѣйшаго прикосновенія могла пропасть «родинка у ствола расширенія». Еще разъ, провѣривъ «родинку», Андрей Николаевичъ ушелъ къ себѣ. И настала ночь. Ночь для Андрея Николаевича.

Ночью — въ Песербургѣ вечеръ начинался съ 10-11 ночи — къ Сомову, «горя нетерпѣніемъ посмотрѣть, забѣгалъ В. Ф. Нувель, подѣ какимъ-то предлогомъ зашелъ А. П. Нунокъ. Какое искушеніе для Сомова показать пениса!

Сколько еще осталось часовъ, вѣдь еще цѣлый день. Сегодня пятница. Если-бы знали о «Калечинѣ-Малечинѣ», весь Петербургъ скакалъ бы на одной ножкѣ:

Калечина-Малечина,
Сколько часовъ до вечера?

А пока пенись разъѣзжаетъ по Петербургу съ прощальными визитами — кто же пожалуется, что онъ вызываетъ отвращеніе? Напротивъ, всѣ принимаютъ его съ «распростертыми объятіями», онъ весь насыщенъ («Фаллъ всегда долженъ быть насыщенъ». Коробъ 2) — и вотъ посмотрите, съ какимъ удовольствіемъ онъ ѣстъ осетрину; ему, конечно, съѣлъ и дальше: вѣдь надо поспѣть къ Хитрово, Ухтомскому, Игнатеву, ему некогда, а намъ не знай, какъ убить время — и мнѣ приходитъ въ голову, коротая время, занять какимъ-нибудь другимъ разговоромъ и совсѣмъ изъ другого.

**
*

Зиму 1919 г. мы вытерпѣли въ нашей хорошей квартирѣ въ домѣ Семенова Тяньшанскаго на В. О. Больше терпѣть стало не подѣ силу. Во «Взвихренной Руси» въ разсказѣ «Труддезертирь» полная картина нашего «житія». Въ маѣ 1920 г. мы переѣхали на Троицкую въ «Первый отель Летросовѣта» (это устроила С. Н. Равичъ, знакомы съ Вологды). Съ Троицкой мнѣ было совсѣмъ близко на Литейную въ домѣ Юсупова — въ ПТО я состоялъ при М. А. Андреевой и дважды въ недѣлю долженъ былъ ходить на «призрачныя за-сѣданія театральной коллегіи». Близко мнѣ было и въ Домѣ Литераторовъ на Бассейной, а то изволь переть съ 14-ой линіи! И Серафимъ Павловнѣ въ Аничковѣ дворецъ — она учила моряковъ «2-го Гвардейскаго "берегового" Экипажа».

Во главѣ «Дома Литераторовъ» стоялъ Н. М. Волковысскій и Хариновъ, а въ совете Ф. В. Философовъ, Петрищевъ. Секретаремъ былъ Ирецкій изъ «Рѣчи».

Больше сулили, чѣмъ выдавали: «ненормированные» продукты. Была столовая, гдѣ все-таки, можно было чего-то съѣсть, конечно, со «своимъ хлѣбомъ». Бывалъ Ан. Ѳ. Кони, Вас. И. Немировичъ-Данченко, а изъ «молодыхъ» Н. С. Гумилевъ.

Мнѣ особенно памятна одна встрѣча.

Я вспомнилъ о ней особенно живо въ Парижѣ въ дни оккупации въ 1940 году: Зайцевъ просилъ Левицкаго, онъ «завѣдывалъ» вспомошествованіемъ» и Левицкій отказалъ: по его убѣжденію я, какъ сотрудникъ «Послѣднихъ Новостей», не имѣлъ права не только на помощь, но и вообще и соваться черезъ кого-нибудь съ прошеніемъ о «вспомоществованіи».

И я вспомнилъ, какъ однажды въ «Домѣ Литераторовъ» пришелъ В. П. Буренинъ.

Онъ робко переступилъ порогъ. Онъ ничего не сказалъ; за него сказали: «Буренинъ».

Вышелъ Философовъ, онъ былъ очень взволнованъ, онъ ѣлъ что-то и бросилъ. Онъ не далъ слова сказать — я представляю, какія въ такихъ случаяхъ бываютъ слова (вѣдь все подъ мыслью: «прогнать!»). Нѣтъ. Философовъ его взялъ подъ руку и усадилъ къ столу.

И всѣ мы, кто былъ тогда въ столовой, всѣ мы, какъ вытянулись. И душу, какъ вымыло. И свѣтъ сгустился. Такъ — и не могло быть по-другому — тьмой выѣло бы глаза и оледенѣло бы сердце. Буренинъ что-то говорилъ Философову. Но той робости не было. А было: говорилъ человѣкъ.

Какъ рѣдко взблескиваетъ свѣтъ въ нашу человеческую тьму; мое счастье: я видѣлъ этотъ свѣтъ. Вернувшись домой, я весь былъ полонъ этимъ свѣтомъ. И когда сказалъ Серафимъ Павловнѣ, что въ Домъ Литераторовъ приходилъ Буренинъ, я замѣтилъ, какъ тревога забороздила на ея лицѣ.

«Накормили, — сказалъ я, — Философовъ...»

И все лицо ея освѣтилось.

Вы представляете себѣ: Философовъ и Буренинъ: что можетъ быть обиднѣе, что писалъ Буренинъ о Философовѣ и Философовъ не оставался въ долгу — дважды съ угрозой врывался къ нему. Не помню подробностей, но, кажется, до мордобоя дѣло не дошло. И то слава Богу.

И вотъ встрѣча.

О «мордобой» я забылъ, а про это «нельзя забыть».

Обыкновенно принято опаздывать.

Скажутъ: въ девять, а придешь въ десять. Бывали случаи, являлись и въ полчаса десятого — но такихъ на перечеть: или какой «заблаговременный» или Левъ Шестовъ.

Къ Сомову собрались во-время. И у всѣхъ былъ какой заговорщицкй видъ, все было очень чинно и «благопристойно», ни о какомъ пенисѣ не было рѣчи, говорили о выставкѣ.

Хозяйкой была сестра К. А. Сомова: она разливала чай. На столѣ было что только можно, изъ сластей и пирожныхъ.

А. Н. Бенуа и Анна Карловна, Добужинскіе, Е. Е. Лансере, С. П. Яремичъ, А. Н. Шервашидзе, В. Д. Розанова сидѣла, какъ на тычкѣ: она чувствовала что-то: гдѣ-то, какъ-то ее обмануть. Вас. В. Розановъ никакъ не могъ усидѣть на мѣстѣ. Ему нетерпѣлось. Со стаканомъ онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто: «Когда же пенисъ будутъ показывать?» ловилъ онъ К. А. Сомова. По Розанову и можно было догадаться, что предстоить что-то необыкновенное. Наконецъ явился С. П. Дягилевъ.

Подъ какимъ-то предлогомъ стали выходить въ другую комнату и за самоваромъ остались однѣ дамы. Не помню, кто-то былъ имъ пожертванъ для развлечения, кажется, М. В. Добужинскій и А. П. Нурокъ.

А тамъ — было тѣсно — а надъ ларцомъ хозяйничали самъ хозяинъ и В. Ф. Нувель. Розановъ, ничего не видя и не слыша, весь — въ ларець, онъ пропихнулся ближе не вообразишь.

И когда раскрыли ларець и обнаружилось розовое, какъ миндальные цвѣтки, «трудно-вынимающееся» и потянуло какимъ-то сладкимъ и воцанымъ, Ро-

зановъ полѣзь руками. И тутъ случилось то, чего такъ боялся Андрей Ивановичъ Сомовъ: пальцы ли Розанова, дыханіе ли любопытныхъ, а скувырнули-таки «родинку у ствола расширенія». И когда дошла до меня очередь «приложиться», какъ я ни взглядывался, никакой родинки не замѣтилъ.

На колѣняхъ ползали около стола перед ларцомъ, не отъ усердія, а въ поискахъ этой родинки. И что-то было найдено, и крапинкой присажено у «расширенія». Въ то время я изучалъ апокрифы и у меня было цѣлое собраніе сказаній о происхожденіи табака. Особенно одно поразило меня — «слово святогорца» — табакъ выводился отъ такого вотъ потемкинскаго «орудія». А что если написать мнѣ такую отреченную повѣсть, а Сомову иллюстрировать по наглядной натурѣ.

«Вотъ было бѣ дѣло, — сказалъ Вас. Вас, — напиши!»

К. А. Сомовъ согласенъ, онъ, какъ образецъ, возьметъ потемкинское.

И тутъ для безобразія я сказалъ:

«Вотъ вы восхищаетесь этимъ — я показалъ на ларецъ, который надо было закрыть и завернуть въ дорогую шелковую пелену — «воздухъ, какъ «частицу» мощей, — но вѣдь это мертвое, «бездыханное», а я знаю живое и совсѣмъ не неприкосновенное и въ ту же мѣру...»

— Кто?

— Да Потемкинъ.

У какого Потемкина?

— Студентъ Петръ Петровичъ Потемкинъ, писать стихи: «Папироска моя не курится»...

И ужъ за столомъ, продолжая чай — никто ничего не замѣтилъ, какъ будто ничего и не было, только Вас. Вас. съ застывшимъ недоумѣнiемъ пальцами раскладывалъ на скатерти какую-то мѣру, бормоча, — продолжая чай и разговоръ о выставкѣ, какъ бы мимоходомъ спрашивалъ о студентѣ Потемкинѣ.

В. Ф. Нуведю я указалъ прямой путь познакомиться съ Потемкинымъ: обратиться къ А. И. Котылеву — онъ и живетъ у Котылева, долговязый, а это мѣсто...

Это ужъ къ моей отреченной повѣсти не относится — повѣсть пишется, еще не кончена. Но долженъ сказать, что слова мои о живомъ Потемкинѣ — у всѣхъ на глазах — ходитъ по Петербургу — были отравой. Помню, Розановъ — первый: «Покажи мнѣ Потемкина!» А Нувель, никого не спрашивая, прямо обратился къ Котылеву, какъ я указалъ, у Котылева познакомился съ Потемкинымъ, а потомъ залучилъ къ Сомову познакомиться. Все очень просто вышло и занимательно. «Петрушу, такъ рассказывалъ Кузминъ, онъ присутствовалъ на этомъ веселомъ свиданiи, и играли съ его живымъ потемкинскимъ даромъ три часа».

Съ этого вечера Потемкинъ пошелъ въ ходъ.

Я встрѣтилъ Потемкина на Невскомъ и сразу замѣтилъ перемѣну: подпудренъ и несло тѣмъ сладкимъ запахомъ, какъ изъ Потемкинскаго ларца. Теперь я понялъ, что духи, ими душился М. А. Кузминъ, роза — «розовое масло».

Потемкинъ мнѣ рассказаль о затѣѣ Бакста: нарисовать группу молодыхъ петербургскихъ поэтовъ.

— Кто же попадетъ въ эту группу?

— Блокъ, Гумилевъ, Кузминъ, Городецкій и я — Потемкинъ широко улыбнулся: видно было, какъ ему это пріятно было: «и я».

А отъ Котылева я узналъ, что «Петруша пошелъ въ ходъ», его стихи будутъ изданы, обложку обѣщаль нарисовать Сомовъ, и всѣмъ онъ нравится, а В. Ф. Нувель возится съ нимъ какъ нянька, да и Петрушу узнать нельзя, сталъ аккуратный.

«И вотъ, — Котылевъ показаль на свертокъ, — купилъ ему зубного порошку».

Розановъ все еще продолжалъ, мимоходомъ:

«Покажи мнѣ Потемкина!»

А чего было показывать, когда Потемкинъ былъ у всѣхъ на виду и не дылда-студентъ, а «поэтъ». На какомъ-то литературномъ вечерѣ я показаль на Пяста:

— «Вотъ онъ вашъ Потемкинъ!»

Розановъ было оживился, но поздоровавшись съ «Потемкинымъ», отошелъ недовольный.

— Ты меня все обманываешь: какой-же это Потемкинъ: руки мокрая!

(Пясть бываль у Розанова всякое воскресенье, и каждый разъ Розановъ съ нимъ знакомился: «Розановъ». Пясту это было очень неприятно, — но что подѣлаешь, если человекъ не хочетъ замѣчать, и вѣдь не нарочно!).

А недолго продолжалось увлеченіе Петрушей, такъ его теперь всѣ звали: игра съ Потемкинскимъ пенисомъ надоѣла, какъ видно, и къ Рождеству Потемкина больше не беспокоили.

Но это ничего не значить, основа положена, стихи вышли и вхожь ко всѣмъ «старѣйшинамъ» и самъ «епископъ» (С. П. Дягилевъ) руку подаетъ.

Я говорилъ Петрушѣ, — объяснялъ Котылевъ, — стѣсняться нечего: ну, поиграють-поиграють и бросятъ. Такъ оно и вышло, я этихъ господъ знаю, а ему какая убыль — слава Богу, на всѣхъ хватить!

Пристроивъ Петрушу, Котылевъ занялся «семейными» дѣлами и «благотворительностью». Онъ «женить» своего старшаго сына: онъ самъ облюбовалъ какую-то знакомую своей безропотной Марьи, подвергъ ее «строжайшему испытанію» и передалъ сыну.

«Теперь я спокоенъ, — говорилъ Котылевъ, — крайней мѣрѣ все чисто, а то живо нарвется на какую-нибудь блядь...»

А «благотворительность» заключалась — въ Гумилевѣ: Котылевъ рѣшилъ его женить, что было не такъ просто, Гумилевъ артачился, но въ концѣ концовъ уломалъ и свадьба совершилась на квартирѣ Котылева.

Я продолжалъ свою работу. Главнымъ источникомъ для меня были «Розысканія» акад. А. Н. Веселовскаго. Я пользовался всѣми его указаніями и изучилъ всю литературу о «происхожденіи табака». Вышла «Гоносіева повѣсть»: рассказываетъ святогорець-монахъ. Самой формѣ я обязанъ и «живой жизни» — мои встрѣчи съ монахами «блудоборцами» и прославленной книгѣ «глубокочтимаго» инока Парвѣнія: о святой горѣ Афонской. (1856)

На Святкахъ я читалъ мою повѣсть «старѣйшинамъ (Бакстъ, Сомовъ, А. Н. Бенуа)». Сомовъ готовъ сдѣлать иллюстраціи, но издать книжку? — цензура не пропуститъ и кто возьмется издать такую книжку?

**
*

«Копытчикъ», а тогда «Моль въ перчаткахъ» — С. К. Маковскій и съ нимъ «кавалергарды» С. Н. Троицкій, А. А. Трубниковъ, М. Н. Бурнашовъ и пятый Н. Н. Врангель, издательство Сириусъ и типографія.

Первая книга — мой «Прудъ» (СПб., 1908).

Судьба: Копытчика (бабовидный въ ажурныхъ чулкахъ) и А. А. Трубникова — Парижъ. Троицкій (бородатый) остался въ Россіи, былъ главнымъ въ Эрмитажѣ, его отставили. Слышалъ: пьетъ — живъ-ли, не знаю. Врангель былъ ближайшимъ къ «Старымъ Годамъ», померъ въ Археологическомъ Институтѣ. Онъ учился съ Серафимой Павловной, не могъ кончить, опаздывалъ на экзамень — это родовое Бурнашевыхъ, его отецъ трижды опаздывалъ въ церковь на свою свадьбу; Бурнашовъ эмигрировалъ, жилъ въ Ригѣ, сдѣлался священникомъ и померъ до войны, онъ былъ кроткій и тихій. Гонораръ за «Прудъ», кажется, 200 рублей, онъ носилъ въ карманѣ нѣсколько лѣтъ и все забывалъ отдать мнѣ.

На вечерѣ у Копытчика я читалъ «Плясъ Иродіады» изъ Лимонаря. Художникъ Димитріевъ показывалъ свои иллюстраціи въ «Пруду» — у него ихъ было цѣлый альбомъ, штукъ 200. (Куда это все дѣвалось и какая судьба Димитріева, не знаю). Въ этотъ вечеръ былъ разговоръ о изданіи моей повѣсти о «Табакѣ». На прощанье Копытчикъ далъ мнѣ великолѣпный букетъ цвѣтовъ — цвѣты постоялые, но еще держались и я долго хранилъ ихъ.

Разговоръ объ изданіи продолжался у Троицкаго.

Я бывалъ на Сергіевской, 5, въ домѣ сенатора Троицкаго. Сенатора я никогда не видѣлъ, я про-

ходилъ на половину сына. Его пріемная комната — антикварная лавка: чего-чего только не было. Но хозяинъ гордился своими изданіями (Сириусъ) — были книжки, изданныя въ единственномъ экземплярѣ!

Мой табакъ рѣшено было издать въ количествѣ 25-ти именныхъ безъ обозначенія типографіи, а только имя издателя:

Повѣсть сію написалъ на святкахъ
А. Ремизовъ, рисунки дѣлалъ К. Сомовъ,
напечаталъ двадцать пять именныхъ
экземпляровъ С. Н. Тройницкій

И бояться ему нечего. Всѣ экземпляры онъ передастъ въ «собственныя руки» и ни одного въ продажу. Такъ оно и было.

Тройницкій самъ всѣмъ разнесъ «Табакъ» и успокоился.

Но не такъ оно было, какой тамъ шито-крыто, слава о «Табакѣ» сейчасъ же разнеслась по всему Петербургу: тому, кто не видалъ Потемкинскаго въ ларцѣ, любопытно было взглянуть на Сомовскую «копію».

Тройницкаго осаждали просьбами — достать «Табакъ», но всѣмъ одинъ былъ отвѣтъ: двадцать пять именныхъ экземпляровъ не для продажи.

Для прочтенія онъ давалъ свой именной экземпляръ, всѣ были очень довольны и подбивали Тройницкаго повторить изданіе.

Но не такъ посмотрѣлъ сенаторъ Тройницкій. До него дошелъ слухъ: кто-то изъ высокихъ особъ видѣлъ, а можетъ только слышалъ, что въ Петербургѣ появилась книга, издателемъ которой значится его имя,

а книга такая — по двумъ статьямъ: «за кошуństwo и порнографію».

А сенаторъ ничего не знаетъ, только догадывается, очень взволнованъ, вызвалъ сына для объясненія. И прежде всего петребовалъ книжку. И убѣдился, что издана Тройницкимъ, а вѣдь онъ тоже Тройницкій! А когда прочиталъ книжку, вынесъ свое сенаторское рѣшеніе: всѣ двадцать-пять экземпляровъ отобрать и сжечь.

Ужъ ему и то и се — и «ограниченное» и «именное», уперся старикъ: «собери и жги!» До слезъ пронялъ. И досадно.

Много стоило труда убѣдить сенатора въ безполезности сжигать. Въ концѣ концовъ согласился, но подъ условіемъ: Тройницкій долженъ всѣхъ обойти «именныхъ» и собственноручно бритвой выскоблить на послѣдней страницѣ «Тройницкаго».

С. Н. Тройницкій исполнилъ сенаторскій указъ, но ходить съ бритвой постѣснялся, онъ былъ увѣренъ, что каждый изъ насъ исполнить его просьбу и имя Тройницкаго испарится. Всѣ мы, конечно, обѣщали, но выполнили слово, не думаю.

Въ это время я трудился надъ перепиской моей повѣсти: на большихъ листахъ полууоставъ съ красными и голубыми заглавными буквами, къ моимъ листамъ вложены листы съ оригиналами рисунковъ Сомова. А все въ папкѣ.

Дороже всего стоила папка. Сомовъ получилъ 900 рублей (по 300 руб. рисунокъ), а мнѣ за мою писчую работу 50 руб. Этотъ единственный рукописный экземпляръ сдѣланъ былъ по заказу Николая Павловича Рябушинскаго. И отвезенъ къ нему въ Москву въ редакцію «Золотого Руна».

Въ Москвѣ ахали и удивлялись. А передъ отсылкой в Москву мой текстъ — всѣ листы были сфотографированы. В. И. Ивойловъ (Княжнинъ) досталъ гдѣ-то фотографическій аппаратъ и увѣковѣчилъ. Негативы взялъ къ себѣ П. Е. Щеголевъ, общалъ сдѣлать оттиски, да такъ и не сдѣлалъ и памяти у меня никакой не осталось.

**
*

Какъ-то до войны еще, въ канунъ «ликвидациі троцкистовъ» и Тухаческаго я встрѣтилъ А. Я. Аросева. Я шелъ из NRF отъ Paulhan'a, нацѣливался переходить Bd St-Germain — для меня всегда очень трудное, и вдругъ меня кто-то взялъ за руку, сразу я и не узналъ. А это былъ Аросевъ — «вотъ вы меня забыли, сказалъ онъ, а васъ забыла Россія, но я не забывалъ никогда!»

Съ Аросевымъ я познакомился въ Берлинѣ, онъ издалъ свои рассказы и пришелъ къ намъ съ книгой. Потомъ въ Парижѣ уже совѣтникомъ посольства рѣдко, но все-таки заходилъ на Av. Mozart, всегда приносилъ новыя книги изъ Россіи. А потомъ его сдѣлали посломъ въ Прагѣ. Эта встрѣча въ Парижѣ да еще на опасномъ переходѣ была неожиданная. Онъ только-что былъ въ Москвѣ, возвращается въ Прагу, а въ Парижѣ на нѣсколько дней.

«Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы, сказалъ Аросевъ, мнѣ показалъ Лядовъ...»

— Какой Лядовъ, родственникъ? (Я подумалъ, сынъ Анатолія Константиновича).

— Нѣтъ, ему не Лядовъ, нашли при обыскѣ, ну, знаете, всѣ такъ и ахнули: ваша рукопись. Вы догадываетесь?

Я понялъ, о чемъ рѣчь и порадовался, что мой трудъ съ «Табакомъ» не пропалъ: это была моя рукопись съ оригиналами Сомова: Рябушинскаго.

— А вы знаете, сказалъ я, за эту рукопись я получилъ когда-то пятьдесятъ рублей.

— Хулъ! отозвался Аросевъ и объяснилъ значеніе этого нерусскаго слова: «пенись» въ Россіи запрещенъ, а Пришвину никакъ не обойтись было безъ него, онъ и придумалъ и напечаталъ: «хулъ» — звучитъ по-англійски, но и по-нашему, дуракъ пойметъ.

Такъ мы на «хулъ» и разстались.

А какая судьба Аросева? Старый большевикъ во время чистки, попалъ въ «троцкисты», былъ высланъ въ Сибирь, а дальше и не знаю.

Въ революцію 1918-1921 (до «нэпа») единственное частное издательство: «Алконость» (Самуилъ Мироновичъ Алянскій, а впослѣдствіи окрещенъ Мишей). У издательства никакихъ средствъ. Бумага — «черезъ преступленіе». Надо понимать такъ: не иначе, какъ изъ запасовъ Государственнаго Издательства.

Подъ «Издобалвелволпал» вышла съ рис. Бакста сказка о царѣ Додонѣ, подготавливался Табакъ: Сомовъ сдѣлалъ новые рисунки, было готово клишэ. Зав. Госизд. Илья Ионовъ далъ разрѣшеніе.

Но тутъ неожиданно, негаданно, нечаянно произошло и все перевернуло.

Посланный изъ типографіи съ клишэ задумалъ позабавить какихъ-то своихъ товарищей: развернулъ пакетъ и при всей честной публикѣ показалъ потемкинскій пенись...

Кто удивлялся, кто ахалъ, и хохотали во всѣ грохота. А проходили какіе-то изъ фабричной инспекціи.

Видятъ толпа и гогочутъ. Остановились. Въ чемъ дѣло? — Да прямо на пенись...

«Что за безобразіе?» И сейчасъ же посланнаго: «куда и зачѣмъ». Посланный только и могъ сказать: «Изъ типографіи въ Госиздатъ къ товарищу Іонову.»

Свернулъ пакетъ и пошелъ.

И тѣ пошли себѣ.

Но этимъ дѣло не кончилось, а только начинается.

А на другой день къ Іонову «делегация отъ бабъ».

«Какъ это такъ, — говорятъ, — нашимъ дѣтямъ нѣтъ бумаги для учебниковъ, а на пенисы находится!»

И пошли крыть.

Іоновъ попробовалъ было вступить за бумагу, что на такихъ бумагахъ учебники не печатаются и бумага-то такой на книгу не набрать — обрѣзки.

Да съ бабами нешто сговоришь: наладили свое: пенись... пенись... пенись... — «на пенись небось находится!»

Я пришелъ, вижу чѣмъ-то разстроены. Въ чемъ дѣло?

«Съ пенисомъ, говорить, попался, и теперь ничего нельзя сдѣлать, самого въ чеку возьмутъ.»

И рассказалъ мнѣ всю исторію, какъ оно вышло.

«Пускай утихнеть.»

Такъ на утихъ и отложилъ изданіе.

А на утихъ мало было надежды. Все забывается, а про этотъ пенись, какъ выжгло, нѣтъ-нѣтъ да и помянуть.

И такъ это Іонову надоѣло, и разговаривать — напоминать о изданіи стало трудно.

Прошу его отдать мнѣ Сомовскіе картинки и больше мнѣ ничего не надо. Онъ согласенъ. Но не можетъ вспомнить, куда запряталъ — въ которое мѣсто.

Онъ когда-то сидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости и тамъ повредился: отшибало память. Я вѣрю, не для слова, чтобы отдѣлаться, говорилъ онъ мнѣ, а по-правдѣ: спряталъ, а куда — ну, не можетъ вспомнить.

Ужъ онъ и ножку у стола завязывалъ — но и ножка не помогла, такъ я и уѣхалъ за-границу.

И никогда не забывалъ, что на Невскомъ въ безобразнѣйшемъ домѣ Зингера въ Госиздатѣ въ какомъ-то шкапу у Іонова запрятаны, лежатъ Сомовскія картинки.

Какъ-то въ Берлинъ пріѣхалъ Іоновъ и зашелъ къ намъ, принесъ свою книгу — Іоновъ писалъ стихи: П. Я. (Якубовичъ-Мельшинъ) былъ для него канономъ поэзіи. За чаемъ стали вспоминать знакомыхъ и всякія прошлыя дѣла и дѣянія. Я спросилъ о Сомовскихъ рисункахъ (Сомовъ еще былъ въ Россіи).

«Какъ же, сказалъ Іоновъ, я нашелъ и на самомъ на виду, на столѣ лежали, а я былъ убѣжденъ, запряталъ.

— Такъ чего же вы не привезли?

— Забылъ, сказалъ Іоновъ, приготовилъ и забылъ.

Я почувствовалъ, что это неправда, а просто, напуганный «бабами» боится. Я ему еще и еще разъ объяснилъ, какъ цѣнны эти рисунки Сомова, и боюсь, что завалиются.

— У меня ничего не заваливается! — обидѣлся

было Іоновъ, а потомъ самому стало неловко: вѣдь какъ же иначе назвать, вѣдь сколько, дѣйствительно, искалъ, а они лежали у него подъ-носомъ.

Іоновъ на прощанье пообѣщаль или съ дипломатическимъ курьеромъ или съ вѣрнымъ человѣкомъ, а непременно вернуть и оригиналы и клишэ.

— А рукопись, не знаю гдѣ.

— Да Богъ съ ней, мнѣ важны рисунки.

Никакой курьеръ мнѣ ничего не передаваль, такъ и въ Парижъ переѣхали, отъ Іонова никакихъ вѣстей.

И вотъ ужъ въ Парижѣ появился у насъ на Ville Flore Ефимъ Яковлевичъ Бѣлецкій.

Когда-то завѣдующій хозяйствомъ въ Отдѣлѣ управления Петрокоммуны занималь онъ это высокое мѣсто, хоть никогда партійнымъ и не былъ, а по-родственному: онъ былъ женатъ на племянницѣ Урицкаго (начальникъ Чрезвычайки, убитый Канигиссеромъ). Въ Петербургѣ онъ у насъ бываль и мнѣ удавалось черезъ него получать кое-что изъ «нормированныхъ» продуктовъ. Онъ все мечталъ сдѣлать меня главнымъ надъ всѣми игрушками Совѣтскаго Союза, чтобы легче было намъ жить въ тягчайшихъ условіяхъ «коммунистическаго опыта» подъ властью «Гришки Зиновьева».

Бѣлецкій по пути въ Америку, гдѣ онъ получилъ высокое назначеніе по закупкамъ, остановился въ Парижѣ. Перемѣна только во внѣшнемъ: за эти годы онъ отъѣлся и похожъ былъ на нашего итальянца въ довоенное время. (Теперь этотъ итальянецъ тощій, какъ щепка).

И сразу повинился: Іоновъ далъ ему клишэ для передачи, но въ послѣднюю минуту, онъ не рѣшился: побоялся обыска.

— Открито взети страшно, я запряталъ въ подушку. Ионовъ говорить «давай я тебя обыщу для примѣра». Я разложилъ передъ нимъ все, что изъ вещей беру въ дорогу. И онъ прямо на подушку, запустилъ руку и... вынимаетъ «пениса». И пришлось оставить.

«Подушку зашила Марья Ритмановна (Каплунъ), а клишэ забралъ назадъ къ себѣ Ионовъ. — Последнее слово о «табакѣ», и больше ничто не могъ сообщить мнѣ Бълецкій.

Судьба Ионова? — да навѣрное, разстрѣлянъ.

А когда я встрѣтилъ въ Парижѣ К. А. Сомова я ему рассказалъ, какъ кончилась исторія съ «табакомъ» — съ его новыми рисунками 1920 г.

Сомовъ выслушалъ молча, первое время за-границей онъ былъ такъ напуганъ, онъ боялся о комъ-нибудь спросить, что было «тамъ и оттуда», мнѣ показалось, что во время моего рассказа онъ прислушивается: не подслушиваетъ-ли кто.

Почему-то я увѣренъ, что рисунки Сомова не пропали, и когда-нибудь откроются, и будутъ изданы — клишэ есть. Но моя исторія кончена.

24/V 1945-1946
Paris

ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ

Многія суть басни о табакѣ на соблазнъ людямъ написаны. Говорятъ тако: произростаеъ онъ изъ червоточнаго трупя блудницы, другіе же на Продиаду валятъ, будто изъ ея костей вѣтренныхъ, а третьи совсѣмъ несуразное порюютъ, подсовывая корень табачнаго зелья Арію заушенному, его внутренностямъ — потрахамъ смердящимъ.

И все сіе ложно.

Повѣсть, которую я расскажу вамъ, любимые мои, повѣдалъ мнѣ нѣкій древній старецъ Гоносій, до полвѣка лѣтъ недвижно и въ гробномъ молчаніи простоявшій дни свои въ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ у гроба Господня.

Вотъ что рассказалъ мнѣ древній старецъ Гоносій.

**
*

Нѣкогда на Судимой горѣ на самой плѣши стоялъ старый-престарый монастырь. И многое множество монаховъ и чернецовъ спасалось на Судимой горѣ. Были такіе старцы, что даже самихъ себя по имени не знали и, кромѣ молитвы, ничего не помнили и ни крошки въ ротъ не брали: ни хлѣба, ни смоквы, ни финика; и никакого питья не вѣдали, даже квасу не пили, а питались лишь отъ благоуханія своего, играючи съ небесными птицами, звѣрями и зайцами.

Не разъ нападали разбойники и осаждали монастырь, но молитвами честныхъ отцовъ бывали отбиты, понося уронъ и въ людяхъ и добычею.

Пречудныя чудеса творились на плѣши и знаменія объявлялись разные.

Забирались на плѣшь шестонogi со львовыми головами и дѣвки съ рыбьимъ хвостомъ, то подвернется который съ шестью собачьими мордами на тѣлѣ, выстоитъ всю службу, и, благословясь, вмѣстѣ съ богомольцами во свояси уйдетъ, то подѣ биломъ медвѣжонка съ человѣчьимъ лицомъ привязанъ къ вервiю спать. А то разъ закинули сѣти, а въ сѣтяхъ вмѣсто рыбы чудо морское голова, лобъ, глаза и брови человѣчьи, уши тигровы, усы кошачьи, борода козья, ротъ львовый и на боку жабра, а вмѣсто зубовъ костяной ободъ. Окрестили чудо морское, — при монастырѣ оставили: ѣло оно хлѣбъ да молоко, хорошо ѣло, не жаловалось, а на дворъ никогда не ходило.

Изъ-за моря показывалась Гарпiя змѣехвостая, выползала Медуза мордастоногая, пѣлъ Сиринъ — птица райская и Алконостъ — птица павлинопышная, утѣшая святыхъ отшельниковъ гласомъ своимъ сладкопѣсеннымъ.

Залетали и другія птицы красноличныя, имущія по парѣ воловьихъ роговъ и естество женское; подѣ благовиднымъ предлогомъ потоптавшись, несли яички пестрыя.

Всякій день и часъ открывались нетлѣнныя мощи, раки коихъ точили исцѣленіе и недугъ врачевали: выходило угодниковъ видимо невидимо во славу Господа.

И стекалось на гору богомольцевъ и странниковъ — проткнуться некуда. и такое бывало скопленіе,

хоть топоръ повѣсь; захожіе дровосѣки такъ свои топоры и вѣшали, чтобы не пропало.

Лай, ревъ, крикъ, мурлыканье, — курокликъ, мышепискъ, ухозвонъ, окомигъ, — хоть тебѣ что, утомону не взять!

Огорчало нестроеніе, печалило: придумываль пре-подобный отецъ игумень, придумываль, а подѣлать ничего не могли, сами старцы безымянные посовѣтовать ничего не могли.

И все шло по стару, какъ стало.

**
*

Былъ въ монастырѣ одинъ песоподобный монахъ Саврасій, втерся онъ въ монастырь невѣдомо откуда, невѣдомо что сотворивъ въ міру. Ходили слухи, что отъ юности своей жилъ онъ у одного царя за разбоемъ и много пролилъ русской крови, но рука изъ облака вышла ему и повела его на славную плѣшь въ преславный монастырь.

Такъ ни кожи, ни рожи, высокій и постный, одна челюсть больная, другая поменьше, а носъ громадный до невозможности.

И какъ пришелъ онъ въ монастырь смиренный и незадирчивый и все мощи лобызаетъ, потомъ могилы копать приметя для новопреставленныхъ и всѣ черныя работы исполнять, какія въ трудъ челоуѣку кажутся.

Такъ прожилъ онъ многія лѣта въ молчаніи и брени, впослѣдствіи же времени съ благословенія игумена заюродствовалъ, и ни единой твари откровенія не было, что подъ видомъ смиренника поселился въ монастырѣ самъ Діаволь.

Бывало, какъ станеть припекать солнышко, выйдеть Саврасій на огородъ, ляжетъ гдѣ въ грядку, этими самыми своими частями прямо на припекѣ, и лежить. Поналетятъ мухи, сядутъ ему на нихъ и почнуть ходить, и взадъ и впередъ, жужжа, ходятъ, сладостныхъ соковъ напиваются — уливы блудной. И ходятъ и поѣдаютъ эту уливу невозбранно вплоть до вечерень.

Вскорѣ и вся братія, зря Саврасіево дѣйство, поддались примѣру да по обѣднѣ всѣмъ соборомъ прямо на огородъ да, обнаживъ эти части, на грядки ложится и лежить, привлекая и питая мухъ дерзкихъ.

И стала черезъ этого Саврасія такая тишь да благодать по всей плѣши горной, только и слышно, что муха.

Она проворная и ловкая водилась въ монастырѣ съ немалымъ избыткомъ и вдоволь: лапки юркія, шекотныя — шевелятъ, забираютъ — всѣ жилки перебереть, не насытишься, — юлы какія-то неподобныя, щекоча и томя истомами.

Не нахвалится игумень, не нарадуется, глядячи на братію. И не разъ, умиляясь, совлекалъ преподобный съ себя свой бѣлый хитонъ, примацивался, какъ поудобнѣе, и предавался мухамъ съѣденію.

Еще больше скоплялось богомольцевъ и странниковъ, поучались подвигу, и не мало мірянъ обратилось въ тѣ времена въ подвижниковъ.

Но вотъ прошло красное лѣто, пришла зима, установился санный путь, пришлось братіи покинуть огороды.

И заскучала вся плѣшь, напалъ изводъ и тошнота великая.

Въ келіи у Саврасія стояла печурка, на этой печуркѣ сидѣли кишки и желудки да, свѣсивъ ножи, лапша висѣла, — тутъ разводилъ Саврасій мравіевъ.

Этими мравіями онъ и пользовалъ плѣшь отъ тошноты и извода великаго.

Всякий день бралъ Саврасій сосудъ глиняный — добрыя хозяйки соленый и отварный грибъ въ такихъ сосудахъ съ пользой сохраняють — и отпускалъ таковой на каждого брата съ двенадцатью мравіями.

А вся братія, сидя по келіямъ въ тишинѣ и молчаніи, вынимала эти самыя свои части и, положила все въ сосудъ цѣликомъ къ мравіямъ, предавалась волѣ Божіей — ихъ насыщенію.

И омараченные дивились всѣ диву невиданному, благодарили Господа за ниспосланіе брата вѣрнаго и любовнаго, — ангела хранителя во образѣ Саврасія.

**
*

Спасалось въ монастырѣ два инока — два горбатыхъ старца: одного звали Нюхъ, а другого Духъ, оба неразлучные неотлучно пребывали у мощей нетлѣнныхъ.

Горбатые, скорбные, мучимые мышью: по мышши отъ рожденія у каждого старца сидѣло въ ухѣ и зло сосало мозгъ; и для облегченія пили многострадальныя воду изъ кальной лужи, ею только и держались.

Этимъ-то старцамъ велѣлъ игумень, опутанный сѣтями вражьими, сочинить заживо Саврасію акаѳистъ.

Размышляя какъ-то о сочиненіи, вышли старцы поразмяться, забрели въ лѣсокъ и шли такъ по лѣсу, радуясь и похрустывая снѣжкомъ, вперяя очи въ не-

бесныя высоты. И видятъ, выходитъ имъ навстрѣчу изъ оврага мужикъ, а голова у мужика не мужикова, а птичья. Ахнули тутъ старцы, окрестились да съ помощью Божіей, запустивъ арканъ, арканомъ мужика и поймали. Тотчасъ благополучно отвели въ монастырь, тамъ помѣстили въ келію къ чуду морскому, которое въ ту пору разными рукодѣліями занималось и вело себя прилично.

Тутъ взялись скорбные пытатъ мужика: осмотрѣли тщательно, какого онъ есть пола, и найдя, что ни того, ни другого добивались имя его, но птичья голова ничего не отвѣчала. И подрѣзывали старцы тѣло его острыми ножичками и подваривали пятки его въ смолѣ, воскѣ, оловѣ, но птичья голова ничего не отвѣчала.

Не добившись толка, вознамѣрились богоугодные привести чудо лѣсное ко святому крещенію. Обуреваемые же сомнѣніемъ, рѣшили напередъ испытать: не бѣсовскій ли оно подкидышь?

Кормили его мертвечиной — инога не ѣло.

Нюхъ былъ горбатѣ Духа, а потому, какъ болѣе видному, предстояло ему совершить это испытаніе.

И вотъ на Пущенье, заговляясь блиномъ и варениками, отъ послѣдняго вареника заложилъ Нюхъ себѣ сыръ за щеку и, предавшись сну, не глотая, проспалъ съ нимъ до утра понедѣльника пущеной недѣли. Въ понедѣльникъ вынулъ сыръ изъ-за щеки, благословясь, положилъ его подъ мышку и неприкосновенно носилъ до Великаго Четверга — Страстей Господнихъ.

Когда ударили къ Страстямъ и погналъ Духъ мужика съ птичьей головой въ храмъ Божій, Нюхъ слѣдомъ за ними, не пивши, не ѣвши, къ мощамъ на свое мѣсто.

Возжгли свѣчи страстныя, вышелъ игумень двѣнадцатъ евангеліевъ читать, тутъ Нюхъ тихонько сырѣ изъ-подъ мышки вынулъ.

И что же онъ видитъ?

Все вверхъ дномъ, пакость на пакости, — глазу не вѣрить.

Заголя задъ, скачетъ округъ аналоя преподобный игумень, да на сопѣли ладно и лѣпно наигрываетъ, такъ ладно и лѣпно, и вся братія, всѣ богомольцы, странники, калѣки, убогіе, сухіе, слѣпцы, хромцы, разслабленные, безногіе скачутъ и пляшутъ съ трещаніемъ, прыткостью, — и взвизгиваютъ, орутъ во всю глотку, гогочутъ, притоптываютъ, причичикиваютъ, — пошевеливаютъ плечомъ, идутъ въ присядку — туда ногу, сюда ногу — такого откалываютъ, ничѣмъ не остановить.

И лають — собачьи морды строятъ, и мяукаютъ — кошачьи морды строятъ: трясутъ бедрами, вихлаютъ хребтомъ, киваютъ головой: прыгомъ, въ пыху блудятъ — не выговоришь, такимъ блудомъ, такимъ смѣсеніемъ — не перечислишь.

А изъ царскихъ вратъ, подъятый на воздухъ, Саврасій съ краснымъ цвѣткомъ въ рукѣ, бросаетъ въ иноковъ красные цвѣты, распалаетъ храмъ жаромъ сатанинскимъ.

И самъ Нюхъ, не совладавъ съ собой, бросилъ четверговую свѣчку, да, подобравъ рясу, колѣнце за колѣнцемъ пошелъ выкидывать.

* *
*

Очнулся старецъ на третій только день Пасхи въ своей убогой келіи и хочетъ молитву выговорить, а

языкъ не повинуется — прилипъ къ гортани: ни кляпкомъ, ни клещами, ничѣмъ не отдерешь.

Много старался Нюхъ, много положилъ силъ, но и Духъ не помогъ, только десну разворотилъ, да въ ухѣ мышъ спугнулъ, такъ что и свѣту не взвидѣлъ старецъ.

И сталъ съ тѣхъ поръ каждую полночь Саврасій къ нему въ келію таскаться, и говорилъ:

— Нюхъ, отдай мой сыръ!

Такъ мучилъ, такъ томилъ, и радъ бы Нюхъ отдать ему сыръ, лишь бы отвязался отъ Діавола, да не помнить ужъ, куда въ затменіи сыръ запряталъ, а можетъ быть, и съѣлъ? помнить, будто ѣлъ что-то въ плясаніи и блудѣ мерзкое, — а можетъ быть, подъ языкомъ прилипши? — и ничѣмъ не зацѣпишь.

Саврасій тянулъ свое:

— Нюхъ, отдай мой сыръ!

И плакалъ старецъ слезами горькими, созывалъ братію и игумена: приходила братія, приходилъ игумень, — показывалъ Нюхъ знаками плясъ, блудъ, сманіе и непотребства, какія видѣлъ и испыталъ на собственной шкурѣ за Страстями Господними — въ Великій Четвергъ.

Покивала братія головами, соболѣзновалъ игумень, — думали: совсѣмъ братъ рехнулся!

И плакалъ старецъ слезами горькими и, не видя себѣ ни откуда помощи, опечаленный непониманіемъ, вострилъ глазъ, зорко слѣдилъ за Саврасіемъ.

На Русалочій Великдень въ четвергъ на Зеленой недѣлѣ съ ранняго утра, помня о смертномъ часѣ, забрался Нюхъ съ этими цѣлями въ кустикъ у келіи Саврасія и, выставивъ горбъ наружу, будто сукъ, ждалъ невидимый нечистой полночи.

И съ полночи ночь всю слышаль, какъ что-то подходило къ окну Саврасіеву и пѣло, подходило и пѣло. Но выглянуть изъ-за кустика не рѣшался старецъ, и какъ ни разбирало любопытство, не посмотрѣль, боялся: не вытекъ бы глазъ на бѣду и не попортить бы себѣ членъ какой нужный.

Только на зарѣ вылѣзъ блаженный изъ-за своего кустика, оглядѣлся да, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, прямо къ окну слѣдъ смотрѣть, а слѣдъ и не разберешь: не то козій, не то медвѣжій, и козій и медвѣжій разомъ, — носомъ понюхаль: песій, а опекиши лепешечками — заячьи.

Одному Господу извѣстно, что все это значило.

**
✽

На плѣши мирно и тихо текла жизнь.

Возлежала братія на огородахъ съ мухами и распинала плоть свою, долбя въ томленіи частями своими этими сочныя огородныя тыквы, иные въ лѣсъ уходили — зеленый частымъ гребнемъ стояль лѣсъ, заманивалъ иноковъ прохладой, муравьиными кочками и грибомъ пухлымъ, а иные на рѣку шли — широкая, кишмя киша рыбами, полотенцемъ растянулась голубая рѣка, — тамъ ловили рыбъ и пользовались для этого дѣла живыми ихъ мохнатыми жабрами.

Одно чудо морское да мужикъ съ птичьей головой не занимались.

И Нюхъ, будучи плотію встанливъ и разжигаясь тѣлесною похотью, но хотя претерпѣть, знаками просиль ихъ и слезно молилъ привязывать его крѣпко за ногу, не пускать на огороды, въ лѣсъ, на рѣку.

Но ни чудо морское, ни чудо лѣсное ничего этого не понимали, хоть и были не по уму понятливы: лѣсное за службой ставило свѣчки, а морское съ кружкой ходило.

Готовилъ старецъ мужика съ птичьей головой ко святому крещенію, уповая на Господа: вразумить Господь мужика, и ему ослабу подасть, помогу въ бореніи.

На Петровъ же день, въ день крещенія чуда лѣсного, приключилось ни вѣсть что.

Поссорившись изъ-за какихъ-то пустяковъ, Лѣсное мякнуло Морское въ рыло, а Морское по плѣши Лѣсное огрѣло и полѣзли въ драку; разъярились да по мордасамъ, такъ колотились, такъ колошматились, такую лупцовку задавали: да за волосы, да за бороду, да за виски, да въ ухо, да въ усъ, въ бокъ — и на глазахъ всей братіи и богомольцевъ вдругъ наскочивъ, пожрали другъ друга безъ всякаго остатка такъ что ничего, ни перышка, ни косточки, ни этакого самага паршиваго ноготка — чисто, будто никогда ихъ и не было, ни чуда морского, ни чуда лѣсного.

И дивился народъ и вся братія, не разумѣя сего знаменія.

Саврасій между тѣмъ поучалъ. Говорилъ слово вѣщее черезъ великую свою трость, сквозь нее, шопотомъ въ самое ухо, потому что горлатый былъ и начиналъ если пѣть голосомъ, уши вяли и до скончанія вѣка обременялись глухотой неизлѣчимою.

Лицла къ нему вся братія, ходили стаями, ища наущенія и просили послушанія, были рады все исполнить, чего ни захотѣлъ бы этотъ Саврасій.

Когда въ постный день съ постной пищи нападала на всю плѣшь икота, и икала братія, ни пѣть, ни чи-

тать слова Божія не могли, шли къ Саврасію, и Саврасій тростью своей великой прогонялъ икоту: выходила она исчадіемъ ада за ворота, сажалась на вратаря Ѳедота, съ Ѳедота пересаживалась на Якова, стоящаго на сторожбѣ, а съ Якова подъ гору — въ море.

Днями и ночами трудился горбатый старецъ Духъ: написавъ Саврасіевъ акаѳистъ, за канонъ ему принимался.

И болѣлъ скорбный Нюхъ, убиваясь нещадно: Саврасій, какъ тѣнь за нимъ.

— Нюхъ, отдай мой сыръ!

**
*

Случилось тѣмъ временемъ, въ своихъ путешествіяхъ по Вознесеніи Господнемъ проѣзжала Царица Небесная съ апостолами и праведными женами тѣми мѣстами. И вздумалось Богородицѣ монастырь посмотреть и сладкаго пѣнія послушать.

Слава о монастырѣ и объ инокахъ и о Саврасіи и о всѣхъ чудесахъ плѣши горной достигла не только Москвы, но и дальнихъ странъ персидской и индѣйской до самыхъ лукъ морскихъ.

И вотъ посылаетъ Она съ корабля сказать игумену, что хочетъ быть на Успеневъ день въ обители, прослушать всенощную и обѣдню, къ честнымъ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ приложиться.

Суматоха поднялась на горѣ неслыханная и такая спѣшка пошла: все подновляли и подчищали: что ненужное, прямо въ печкѣ жгли.

Старецъ Духъ изъ силъ выбился, работалъ, какъ воля, мѣстныя иконы начищая, да вытрусивъ за время запыленные пелены, разстиралъ ихъ какъ слѣдуетъ.

Не меньше и Нюхъ прыти пускаль: не спуская глазъ съ Саврасія, востриль свое око недремное.

И отъ нетерпѣнія на мѣстѣ никто усидѣть не могъ, хотѣлось всѣмъ посмотрѣть Богородицу: такая ли Она, какъ на иконахъ пишется, или не такая?

Къ вечеру собралась вся братія, соборне сошла съ горы къ морю, приняла съ корабля подъ руки Богородицу и, подивясь лику ея, съ крестнымъ ходомъ и пѣніемъ повела на плѣшь прямо въ храмъ.

Служба длилась долгая, старалась братія, изъ кожи лѣзла, чтобы лицомъ не ударить въ грязь и не охаться.

Послѣ всенощной, около полуночи, когда Богородица удалилась въ покои свои и на молитву стала, приступили праведныя жены къ игумену, прося указать имъ баню, гдѣ бы могли онѣ съ дороги хорошенько выпариться и бѣлыми на обѣдню стать.

И указаль игумень женамъ праведнымъ просторное помѣщеніе и свѣтлое — лучшую баню: на всѣхъ хватить.

Услышаль объ этомъ Саврасій да, не сказываясь никому, подвязываетъ себѣ свои непоказанныя мѣста къ заду и такъ въ родѣ старой бабушки идетъ прямо въ баню и тамъ, какъ есть, управляется: и парь подаетъ, и кладетъ женъ праведныхъ на скамейки, и растираетъ ихъ и разминаетъ, и за ноги встряхиваетъ, и парить вѣникомъ и животъ всѣмъ править.

Ходили апостолы отъ Богородицы въ баню понавѣдаться: не надо ли квасу прислать и хорошъ ли парь, но по скромности своей и чистоты ради входили только въ предбанникъ, толклись — не окликали, и назадъ возвращались, говоря Богородицѣ:

— Слышимъ голоса радостные и райское присноблаженство.

И до самой обѣдни правилъ животы Саврасій женамъ праведнымъ всѣми манерами и со всякими подходами и подходами, а отпустилъ ихъ, только когда зазвонили: онѣ же умиленные вышли изъ ночного своего мытарства и прелести и, убравъ Богородицу, отошли съ ней въ храмъ Божій.

*
*
*

Давно уже замѣчалъ старецъ Нюхъ, что на божественной службѣ при началѣ Херувимской Саврасій скрывается. На этотъ разъ, запечатлѣвъ крестнымъ знаменіемъ всѣ входы и выходы церкви, ждалъ старецъ, что будетъ.

И вотъ, когда заплѣли Херувимскую и Царица Небесная, прикрываясь покровомъ своимъ, просіяла вся свѣтомъ неизрѣченнымъ и, какъ столпъ пламенный, блистая искрами, подпѣвать начала всепѣтымъ гласомъ своимъ, пожелалъ Саврасій, не терпя взоровъ Пречистой, выйти изъ церкви, но, увидѣвъ выходы, запечатлѣнные крестомъ, полѣзъ къ окнамъ, а окна — окрещены, поспѣшилъ наверхъ къ куполу, а на куполѣ тоже крестъ. И, не видя себѣ никакого спасенія, простеръ свои лапы и низвергнулся, — и надо же тому быть, подвернулся на грѣхъ Нюхъ, — шлепнулся Окаянный да прямо мякиннымъ своимъ брюхомъ на скорбнаго старца, такъ что и самъ и старецъ вдребезги.

И пролилось нѣчто дегтемъ, — ни рожекъ, ни ножекъ, единственно однѣ уды въ этомъ дегтю среди церкви плавають, и такія огромныя, на удивленіе.

Смятеніе и плачь наполнили храмъ, и конца возрыданію не было. Утѣшила Богородица — заступница рода христіанскаго — сама стала прерванную службу служить.

По окончаніи обѣдни, когда всѣ ко кресту приложились и молебень съ акаѣистомъ Успенію сотворили, велѣль игумень тотчасъ взять деготь и камень, куда упаль Діаволь, вынести все и бросить въ глубокой оврагъ.

Такъ и сдѣлали.

Уды же не рѣшались трогать, потому что не могли сказать, чьи они и кому принадлежать: Діаволу ли Саврасію, либо горбатуму старцу Ньюху?

Духъ клялся передъ мощами, что они Ньюховы, и для вѣрности клятвы показывалъ родинку у ствола расширения, но одна изъ соблазненныхъ праведныхъ женъ, осквернившая въ ту ночь дѣвство свое и несытно и неудержанно творившая блудъ въ банѣ, клялась Богородицѣ, что они Саврасіевы и родинку Саврасіева хорошо упомяла.

Огорченная симъ происшествіемъ, предвидя великія испытанія Божіи, благословила Богородица благословіемъ своего милосерднаго сердца всѣхъ иноковъ и клиръ, осѣнила храмъ и кельи всѣ и со апостолами и праведными женами, спустившись съ горы, сѣла на корабль и отплыла къ дому Лазаря болящаго, котораго Господь воскресилъ подъ Вербное Воскресеніе.

* *
*

По отбытіи Богородицы, наложивъ на себя трехдневный постъ, взялась братія за уды и возилась съ ними смятенная, вѣруя Духу, что они Ньюховы.

Омыла умершіе, облекла въ новыя одежды, сложила во гробъ и съ пѣніемъ, свѣчами и кадиломъ, отпѣвъ и отдавъ послѣднее цѣлованіе, погребла ихъ на святомъ мѣстѣ лицомъ на востокъ солнца.

Справивъ кутью, предалась братія подвигу, умерщвляя плоть свою и служа неусыпно панихиды надъ могилою.

Такъ лежали бранные останки въ сырой землѣ всю зиму до весны.

Неисчислимыя бѣдствія посѣтили плѣшь за трудную зиму; голодъ и моръ унесли въ могилу многихъ угодныхъ старцевъ, и некому было умолить Господа оградить обитель отъ нашествія враговъ и супостатовъ.

Лютые василиски точили змѣинымъ своимъ хоботомъ стѣны монастырскія и не давали сна свистомъ своимъ. И врагъ сильный нападалъ и опустошалъ горю: приходили люди нѣмые и блѣдные и люди ропатые, травоядцы, и люди — десяти сажень высота ихъ, и люди — въ волосахъ рты ихъ и очи, и люди — вверху рты ихъ, со слонами, древодорами, верблюдами и крокодилами.

Съ терпѣніемъ выносила братія напасти и бѣды, видя персть Божій, наказующій за грѣхи и паденіе.

Но и тутъ Діаволь, готовый пакостить во всѣ времена, не оставлялъ въ покоѣ обитель, длить свои искушенія.

По веснѣ зацвѣла могила цвѣтомъ невиданнымъ, и такое пошло благовоніе по всей плѣши горной: многіе брали листы и, просушивъ ихъ, воскуривали во утѣшеніе, многіе толкли цвѣтъ въ ступахъ и нюхали, и многіе уносили корень и сѣмена въ страны дальнія,

сохраняя и распространяя, какъ драгоцѣнный даръ Господа.

И собралась ужъ братія мощи открывать, приготовила богатую каменную раку, день назначила, какъ вдругъ явился игумену Ангелъ Господень, и все разъяснилось, какъ возможно лучше.

Повелѣлъ Ангелъ разрыть могилу, вонъ взащей выбросить уды, а цвѣтъ изничтожить безъ всякаго похлебства, да не осквернится домъ Божій.

Открылъ Господь глаза праведнымъ, отогналъ искушеніе.

Проросшіе уды объявились не Нюховы, а какъ неложно свидѣтельствовала праведная жена, Севрасіевы — его Діаволовы, всего одна родинка принадлежала Нюху, да и та нетлѣнная невидимо перенесена была въ другое мѣсто тотчасъ по погребеніи: цвѣтъ невиданный — табакъ, благовоніе — дымъ табачный.

И устрашилась братія и всѣ богомольцы, странники, калики, убогіе, сухіе, слѣпцы, хромцы, разслабленные, безногіе и, не помня себя, съ остервенѣніемъ, ревнуя о Господѣ, напустились, тутъ на могилу: могилу разрыли, уды пожгли, но какъ ни изводили цвѣтъ и ни вытравливали корень, не изводился цвѣтъ и не вытравлился корень, — гдѣ въ другомъ мѣстѣ, и покажется зловонный и цвѣтетъ и распускаетъ благовоніе.

И пошелъ съ тѣхъ поръ табакъ отъ востока до запада, смердя рты, одѣвая зубы смолой, разводя грѣхъ и соблазнъ, творя дѣло Діавола, какъ первый другъ и пособникъ начинаній діавольскихъ — всѣмъ грѣхамъ пастухъ.

1906 г.

*Il a été tiré de cet ouvrage
cent exemplaires de luxe sur
papier couché mat supérieur,
numérotés de 1 à 100.*

N° 022

Achévé d'imprimer, en mai 1983,
sur les presses de la PIUF
3, rue du Sabot - 75006 Paris